«Даже вся магия мира
не стоит того,
чтобы продавать за неё
свою совесть...»
1
ТВОРЕЦ ЗАКЛИНАНИЙ
Себастьян де Кастелл
I

Себастьян де Кастелл

Творец Заклинаний

Серия «История утраченной магии. Фэнтези-бестселлер для подростков»
Серия «Творец Заклинаний», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54083949
Творец Заклинаний / Себастьян де Кастелл: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-093591-8

Аннотация

Келлен со страхом ждёт своего шестнадцатого дня рождения. Ему пора пройти испытание и стать Творцом Заклинаний. Только у него есть одна проблема: его магия отказывается работать. И если он немедленно не найдёт способ её разбудить, ему придётся уйти в изгнание или, чего хуже, – стать слугой в родном доме. Чтобы вернуть свою магию, он готов рискнуть всем, даже жизнью. Но когда в город прибывает загадочная рыжеволосая странница Фериус Перфекс, его мир рушится. Смелая, непредсказуемая, отчаянная, владеющая особенной магией древних карт, она может открыть ему иной путь, научить другой магии, основанной на физических законах. Перед Келленом встаёт нелёгкий выбор – смириться с позорной судьбой слуги или довериться

незнакомке… Иногда приходится играть теми картами, которые тебе выпали.

Книга переведена на 13 языков, а также номинирована на престижную британскую премию – «Медаль Карнеги».

«Диковинное и оригинальное фэнтези, захватывающее с первых страниц». Джонатан Страуд, автор «Трилогии Бартимеуса» и «Агентства «Локвуд и компания».

Содержание

1. Первое испытание 6
Глава 1 6
Глава 2 26
Глава 3 31
Глава 4 40
Глава 5 45
Глава 6 59
Глава 7 70
Глава 8 79
Глава 9 93
Глава 10 109
Конец ознакомительного фрагмента. 116

Себастьян де Кастелл
Творец Заклинаний

Sebastien de Castell
Spellslinger
Text copyright © Sebastien de Castell, 2017
Text illustrations copyright © Dale Halvorsen and Sam Hadley, 2017
© Куклей А., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

1. Первое испытание

У народа джен-теп есть три условия получения имени мага. Во-первых: он должен обладать силой, чтобы защитить свою семью. Во-вторых: уметь пользоваться высшей магией и доказать это, пройдя испытания посвященных. В-третьих: достичь шестнадцати лет.

Оставалось лишь несколько недель до моего дня рождения, когда я осознал, что провалился по всем пунктам.

Глава 1
Поединок

Старые чародеи говорят, что у магии есть свой вкус. Заклинания огня похожи на острые специи, обжигающие язык. Магия дыхания – нежная, словно бы прохладная, оставляет на губах привкус мятного листа. Магия песка, шелка, крови, железа… каждая имеет свой особый вкус. Истинный маг способен творить заклинания даже за пределами Оазиса, он знает их все.

Я?… А я понятия не имею, каков вкус высшей магии. В том-то и беда.

Теннат ждал меня неподалеку. Он стоял в кольце семи

мраморных колонн, окружающих Оазис. Солнце светило ему в спину, и длинная тень падала на дорогу, протягиваясь прямо ко мне. Вероятно, Теннат выбрал место нарочно для подобного эффекта. Что ж, это сработало: мои губы стали такими же сухими, как песок под ногами, а единственный вкус, который я ощущал, был вкусом страха.

– Не делай этого, Келлен! – взмолилась Нифения. Она ускорила шаг, пытаясь догнать меня. – Еще не поздно сдаться.

Я остановился. Теплый южный ветерок покачивал розовые цветы тамарисков, выстроившихся вдоль улицы. Крошечные лепестки парили в воздухе, сверкая под полуденным солнцем, как воплощение магии огня. Мне бы заклинания огня сейчас не помешали. Откровенно говоря, любая магия пришлась бы кстати…

Заметив мою нерешительность, Нифения беспомощно прибавила:

– Теннат орал на весь город, что, если ты выберешь его – он тебя изувечит.

Я улыбнулся – единственный способ не выказывать страха, который скрутил внутренности в тугой комок. Я еще ни разу не участвовал в магическом поединке, но отлично понимал: демонстрировать противнику свой испуг – не самая эффективная тактика.

– Все будет хорошо, – отозвался я и вновь двинулся в сторону Оазиса.

– Нифения права, Кел, – сказал Панакси. Он едва поспевал за мной, натужно дыша и придерживая рукой толстую повязку на ребрах. – Не дерись с Теннатом из-за меня.

Я чуть замедлил шаг, борясь с желанием закрыть глаза. Панакси был одним из лучших магов среди их сверстников. В один прекрасный день он мог представлять наш клан при дворе. Не слишком красивым лицом… Тело Панакси, ладное и мускулистое от природы, сильно изменилось под влиянием сладких пирожков с морошкой. А его красивые черты испорчены кожной болезнью, вызванной чрезмерным употреблением любимого лакомства. Мой народ владеет множеством заклинаний, но ни одно из них не лечит полноту и не убирает отметины с рябого лица.

– Не слушай их, Келлен! – крикнул мне Теннат, когда мы подошли к белым мраморным колоннам.

Он стоял в центре десятифутового круга на песке, скрестив руки поверх белой льняной рубашки. Теннат отрезал рукава, чтобы все видели, что он пробудил не одну, а целых две магические стихии. По его предплечьям вились вытатуированные узоры, отливавшие металлическим блеском, он призывал магию дыхания и железа.

– Приятно наблюдать, как ты ломаешь себе жизнь, защищая честь твоего жирного дружка.

Приятели Тенната захихикали. Они стояли за его спиной – переминались с ноги на ногу и предвкушали развлечение. Всякий любит хорошую драчку. Ну, кроме жертвы.

Может, Панакси и не похож на древних боевых магов, чьи сияющие фигуры были вырезаны на колоннах перед нами, но он вдвое превосходил Тенната по силе. Непонятно, как же он так бездарно проиграл свой поединок. Больше двух недель в постели и бесчетное множество исцеляющих заклинаний – но даже сейчас Панакси едва мог доковылять до класса.

Я одарил противника самой лучезарной из своих улыбок. Как и все прочие, Теннат был уверен: выбрать его для первого испытания – верх безрассудства. Некоторые наши одноклассники считали, что я устроил все это, чтобы отомстить за Панакси. Как-никак он был, пожалуй, единственным моим другом. Кое-кто думал, будто я выполняю некую благородную миссию – пытаюсь поставить Тенната на место, чтобы он прекратил измываться над другими учениками и третировать ше-теп, слуг которые вообще не владели магией и никак не могли себя защитить.

– Они же подначивают тебя, Келлен. Не ведись. – Нифения положила ладонь на мою руку.

Не сомневаюсь: некоторые подозревали, что я ввязался в драку, желая впечатлить Нифению. Девушку с красивыми каштановыми волосами и чертами лица пусть и не идеальными, но казавшимися безупречными мне. Как она смотрела на меня сейчас! Едва дыша от беспокойства… Кто бы мог подумать, что она едва замечала меня все те годы, что мы учились вместе. Как и остальные, если честно. Но сегодня все было иначе. Сегодня меня заметили все, даже Нифения.

Особенно Нифения.

Может, она вела себя так только из жалости? Не исключено. Но ее губы взволнованно изгибались. Губы, которые я мечтал поцеловать с тех пор, как выяснил, что поцелуй – не попытка двух людей укусить друг друга… Когда я смотрел на эти губы, у меня начинала кружиться голова. А ее пальцы касались моей кожи. Кажется, сегодня она впервые в жизни дотронулась до меня.

Так или иначе, но я устроил поединок не для того, чтобы впечатлить Нифению. Аккуратно отстранив руку девушки, я вошел в Оазис.

Когда-то я читал, что в других культурах слово «оазис» обозначает кусочек плодородной земли посреди пустыни, но Оазис джен-теп – нечто совершенно иное. Семь мраморных колонн возвышались над нами – каждая символизировала одну из семи форм Истинной магии. Здесь, в этом десятифутовом круге, не было деревьев и никакой зелени – лишь ковер переливчатого серебристого песка. И песок этот, даже когда ветер приводил его в движение, никогда не покидал границ круга, очерченного колоннами. В центре находился неглубокий каменный бассейн, наполненный чем-то – не жидкостью и не воздухом, искрящийся и переливающийся волнами, то вздымающимися, то опадающими. Это и была Истинная магия джен.

Слово «теп» означает «народ», и, я думаю, понятно, как важна для нас магия. Ведь когда мои предки пришли сюда,

они стали известны как джен-теп – народ Истинной магии.

Ну, в теории по крайней мере.

Я опустился на колени и начертил вокруг себя на песке защитный круг. Если честно, «круг» мог бы быть и поровнее.

Теннат осклабился.

– Да-а. Вот теперь я и впрямь испугался.

Несмотря на свое хвастовство, Теннат не производил такого уж сильного впечатления, как воображал. Да, он был жилистым и подлым, но не слишком-то большим. На самом деле он был таким же худым, как я, и на полголовы ниже. Почему-то от этого он казался еще более гнусным.

– Вы двое все еще намерены устроить поединок? – спросил мастер Осья-фест, поднимаясь с каменной скамьи на краю Оазиса. Старый чародей смотрел на меня, не на Тенната – недвусмысленно намекая, кто должен сдать назад.

– Келлен не отступит! – заявила моя сестра, выходя из-за спины учителя.

Шелле исполнилось лишь тринадцать. Она младше всех нас – но уже проходила испытания и была лучшим магом из присутствующих здесь, кроме разве что Панакси. Об этом говорили четыре татуировки, сверкающие на ее предплечьях – магия дыхания, железа, крови и огня. Иные маги оканчивали свои дни, так и не ухитрившись изучить сразу четыре стихии, но моя сестренка овладела ими и намеревалась совершенствовать их все.

Так сколько же узоров вытатуировано на мне? Сколько

узоров под рукавами моей рубашки замерцают и закружатся, когда я призову высшую магию своего народа?

Ни одного.

О да, в пределах Оазиса я мог использовать тренировочные заклятия, которые изучают все посвященные. Я мог воспроизвести любые жесты так же хорошо – а может, и лучше – чем любой из моих одноклассников. Я без запинки произносил самые заковыристые словоформы. Я с безукоризненной точностью вычерчивал сложнейшие фигуры магической геометрии. Я был искусен на всех этапах сотворения заклинания… кроме, собственно, магии как таковой.

– Откажись от этой драки, Келлен, – умоляла Нифения. – Найдешь кого-нибудь другого для поединка.

Да, в том-то и проблема. Скоро мне исполнится шестнадцать, и остается последний шанс доказать, что я достаточно хорош, чтобы получить имя мага. Я должен был пройти четыре магических испытания, первое из которых – поединок. А иначе я стану одним из ше-теп и проведу остаток жизни, готовя еду, прибираясь и прислуживая в доме одного из моих бывших товарищей. Унизительно для любого посвященного. А уж для члена моей семьи, для сына самого Ке-хеопса!.. Немыслимо!

Впрочем, как бы там оно все ни было, именно Тенната я решил вызвать совсем по другой причине.

– Предупреждаю вас: защита закона не распространяется на проходящих испытания, – напомнил Осья-фест. Голос его

звучал устало и терпеливо. – Лишь тот, чьи навыки дают ему силу противостоять нашим врагам в бою, может предъявить право на имя мага.

В Оазисе воцарилась тишина. Все мы видели список имен посвященных, которые подверглись испытаниям, не приготовившись должным образом. И все мы знали, как они умерли. Осья-фест снова посмотрел на меня.

– Ты действительно готов?

– Само собой! – сказал я. Не принято так разговаривать с учителем, но следовало придерживаться стратегии: непоколебимая уверенность в себе.

– «Само собой», – насмешливо передразнил Теннат. Он встал в простейшую защитную позицию: ноги на ширине плеч, руки свободно висят вдоль тела, готовые сотворить заклинания, которые потребуются в поединке. – Последний шанс уйти, Келлен. Когда мы начнем, я не остановлюсь, пока ты не свалишься.

Он ухмыльнулся и перевел взгляд на Шеллу.

– Сейчас тебе будет жутко больно. Не хотелось бы, чтобы это зрелище причинило ненужные страдания твоей сестре.

Если Шелла и заметила неуклюжую попытку Тенната проявить галантность, то не подала вида. Она не двигалась с места – стояла, уперев руки в бока, а ее яркие золотистые волосы вздымались волнами под порывами ветра. У Шеллы волосы прямые и мягкие – в отличие от тех непослушных пегих прядей, которые пытался откинуть с глаз я. Нам обоим по на-

следству досталось хрупкое сложение нашей матери, но в моем случае дело усугубилось постоянными болезнями. Шелла – тоненькая и изящная – неизменно притягивала взгляды посвященных нашего клана. Она, впрочем, не обращала на это ни малейшего внимания. Сестра отлично понимала, что ее потенциал в разы превосходит возможности всех остальных и полностью посвятила себя тому, чтобы стать лордом-магом, как отец. Парни просто-напросто не были частью этого уравнения.

– Не сомневаюсь, что она спокойно выдержит все мои душераздирающие вопли, – сказал я.

Наши взгляды встретились; Шелла смотрела на меня недоуменно и подозрительно. Она знала: я сделаю все, чтобы пройти испытания. И потому неустанно присматривала за мной.

«Умоляю тебя, Шелла: что бы ты там ни думала – держи рот на замке!»

– Как посвященный, обладающий меньшим количеством стихий, – сказал Осья-фест, – ты имеешь право выбрать вид магии для поединка. Каким будет твое оружие, Келлен?

Теперь все взгляды были обращены на меня. Каждый силился угадать, что же я выберу. Здесь, в Оазисе, посвященный мог призвать немного магии любого вида – просто чтобы поупражняться во владении разными заклинаниями. Жалкие крохи в сравнении с тем, что можно сотворить, сверкая татуировками. Поскольку Теннат имел в распоряжении

железо и дыхание, на моем месте только безумец выбрал бы одну из этих стихий.

– Железо, – сказал я. Сказал громко. Так, чтобы услышали все.

Приятели уставились на меня как на сумасшедшего. Нифения побледнела. Глаза Шеллы сузились. Панакси принялся было возражать, но взгляд Осья-феста заставил его замолчать.

– Я тебя не расслышал, – медленно проговорил учитель.

– Железо, – повторил я.

Теннат усмехнулся. Татуировку, символизирующую магию железа на его руке уже объяло сероватым светом. И свет этот заскользил, завихрился между ладонями, когда он начал призывать силу. Все знали, как Теннат любит магию железа – ее мощь, позволяющую громить врагов и рвать их на части. Восторг и экстаз владели им, когда он призывал высшую магию. Хотел бы и я однажды ощутить нечто подобное…

Теннат, как никогда, был готов к бою. Он уже складывал пальцы в замысловатых жестах, готовя заклятия, чтобы дать мне отпор. А вот одно из главных правил, о котором говорят, обучая магическим поединкам: только полный идиот покажет противнику руки перед началом сражения. Однако же у меня не было ни малейшего шанса победить Тенната в поединке на магии железа. И он, видимо, решил, что ему нечего опасаться.

Вот потому-то я и улыбался.

Дело в том, что в последние несколько недель я наблюдал за каждым поединком Тенната. Смотрел, как он сражается с другими посвященными. И я обратил внимание, что даже те, кто обладал большим опытом и могуществом, те, кто с легкостью мог побить Тенната, падали, крича от боли.

И тогда я наконец-то все понял.

Магия – это нечестная игра.

* * *

В Оазисе воцарились тишина и этакое умиротворенное спокойствие. Похоже, все ожидали, что я сейчас рассмеюсь и признаюсь: я просто пошутил. Не будет никакого поединка.

Как бы не так! Я расправил плечи и повертел головой, разминая шейные позвонки. Нет, магической силы у меня не прибавилось. Но я надеялся, что это хотя бы будет выглядеть внушительно.

Теннат фыркнул. Так, как он делал это постоянно – разве что немного громче.

– И что? Тому, кто даже магический фонарь не может зажечь, не заработав сердечный приступ, следовало бы поосторожнее выбирать себе противника.

– Ты прав. – Я закатал рукава рубашки, демонстрируя свои тусклые безжизненные татуировки. – Так задайся вопросом: почему же я выбрал тебя?

Теннат задумался на пару секунд.

– Ну, может, ты мечтаешь о смерти и решил, что я быстрее всех сопровожу тебя в Серую Пустошь и покончу с твоими страданиями?

– Не исключено. – Я кивнул. – Но давай предположим, чисто теоретически, что есть другой вариант.

– И какой же?

Я заранее придумал историю о том, как обрел магию тени – седьмую форму, жуткую и смертоносную, запрещенную для нас всех. Если б это не напугало его, у меня наготове был другой рассказ – об истинно великих чародеях, которые встречались среди наших предков. Таких, которым не требовались татуировки, чтобы призвать высшую магию. Я как раз собирался поведать об этом Теннату, как вдруг увидел сокола, парящего в небесах, – и решил сменить тактику.

– Татуировки – ничто, если у тебя есть связь с сильным животным.

Все задрали головы. А Теннат вновь ухмыльнулся. Злобно. Чересчур уж злобно. Было ясно, что он занервничал.

– Никто теперь не призывает талисманы. Да и потом: чтобы ты, с твоей-то жалкой магией, сумел связать себя с могущественным животным? Тем более – соколом? Брось, Келлен. Тебе и тысячи лет не хватит!

Я между тем заметил, что сокол охотится на какую-то маленькую птицу.

– Хватай ее, друг мой, – прошептал я. Но прошептал достаточно громко. Так, чтобы услышали все.

И все, кто был в Оазисе, громко вздохнули в унисон, когда когти сокола яростно впились в его жертву. Пожалуй, я мог бы стать неплохим актером, если б это не было запрещено у народа джен-теп.

– Ладно, ладно, хватит. – Осья-фест замахал руками – так, словно пытался сотворить заклинание, которое развеет всю эту чушь.

Разумеется, старик отлично понимал, что у меня нет никакого животного-талисмана. Но, думается мне, нехорошо раскрывать секреты другого мага, даже если он блефует. А может, ему просто было все равно?…

– Что ж, обмениваться колкостями не запрещено в преддверии поединка, но сказано уже достаточно. Вы готовы начать?

Я кивнул. А Теннат не взял на себя и такой труд. Видимо, даже предположение, что он может быть не готов, представлялось ему оскорблением.

– Прекрасно, – сказал Осья-фест. – Я начинаю отсчет. – Старый маг набрал в грудь побольше воздуха. Может быть, даже слишком много, учитывая, что произнес он лишь одно слово:

– Семь!

Налетел ветерок, растрепав мою льняную рубашку – слишком свободную, из-за ветра сильно липнувшую к моей коже. Я в десятый раз вытер об нее руки и прочистил горло, чтобы не першило.

Только не закашляйся. Не кажись слабым. Что бы ты ни делал – не выгляди слабым.

– Шесть.

Теннат широко ухмыльнулся – так, словно он приготовил для меня какой-то большой сюрприз. Я б испугался, если бы не знал, что он поступает так с каждым противником в каждом поединке.

– Пять.

Сколол все еще парил в небе. Я посмотрел вверх и подмигнул ему. Улыбка Тенната увяла. Похоже, считая меня слабаком, он все-таки верил, что я способен призвать сильное животное. Идиот.

– Четыре.

Пальцы его левой руки сложились в жест, необходимый для заклинания щита. Никогда я еще не видел, чтобы Теннат готовил щит прежде меча. И он смотрел на свою руку, словно желая убедиться, что жест правильный. Да, Теннат слегка волновался

– Два.

Два? А куда делось «три»?

Проклятье! Сосредоточься!

Правой рукой Теннат сотворил жест атакующего заклинания магии железа, которое мы между собой называли «Мечпотрошитель». Жест был идеален и выстроен так, чтобы причинить противнику максимум боли. Теннат опустил голову, и я не видел выражения его лица. Но мне казалось, что он

улыбается.

– Один.

Да. Теннат улыбался. Может, моя идея была не так уж и хороша?

– Начали! – провозгласил Осья-фест.

А в следующий миг мои внутренности пронзило болью.

Как я и говорил, магия – нечестная игра.

Чаще всего.

* * *

Сторонний наблюдатель вообще ничего не заметил бы. Не было никаких молний, никаких громовых раскатов. Стоял тихий теплый вечер, и чувствовалось мягкое дуновение южного ветра. Магия железа никак не проявляется внешне – потому-то я ее и выбрал. Настоящая битва происходит внутри наших тел.

Теннат вытянул правую руку. Он осторожничал, но держал магический жест: средний палец вытянут вперед, имитируя нож; указательный и мизинец согнуты. Символ опустошения и разъединения.

Его заклинание работало. Грудь пронзило болью, и эта боль распространялась по телу. Меня охватил страх – безотчетный и необоримый, и это было даже хуже боли. Хотелось распластаться на земле и молить о пощаде.

Демоны его поберите! Как же он силен! Почему я так не

могу?

Я выдавил улыбку. И даже выжал из себя что-то похожее на смех. Странно, но это, похоже, испугало Тенната. А вдобавок – и остальных посвященных. Ну да: самоуверенная улыбка на моем лице – не то выражение, которое они привыкли видеть.

Я превратил улыбку в ухмылку, прищурил глаза и посмотрел на Тенната. А потом вскинул руку, словно бы пронзая воздух. Очень быстро. Посвященному вроде меня нужно гораздо больше времени, чтобы создать заклинание щита. Теннат творил магию аккуратно и четко, а я взмахивал руками свободно и непринужденно. Не всякий маг отважится на такое, боясь нарушить конструкцию заклинания.

Казалось: ничего не изменилось. «Меч» Тенната по-прежнему раздирал мои внутренности. Но я опять улыбнулся. На этот раз – чуть шире. Дабы Теннат окончательно убедился, что его заклинание – пшик. Теннат впился в меня взглядом, и в этом взгляде скользнуло сомнение. А боль в животе начала утихать. И глаза Тенната стали вдруг огромными, как блюдца.

Вот тогда-то я понял, что победил.

Была еще одна причина, по которой я выбрал магию железа, хотя не мог использовать ее сам. Дело в том, что когда маг использует для атаки «Меч-потрошитель», он вынужден применить второе заклинание – «Щит сердца», – чтобы защититься самому. Нет, это не щит в буквальном смысле сло-

ва. Не такая большая круглая штуковина, которую выставляют перед собой, чтобы отразить удары. Маг использует силу, дабы сохранить в целости свои внутренние органы. Они предстают перед его мысленным взором: сердце, печень… ну и все остальное, и в его воображении остаются неповрежденными. Однако стоит лишь запаниковать, поверить, что другой маг способен тебе навредить, и заклинание обращается против тебя. Ты сам превратишь свои внутренности в кашу.

Именно так Теннат победил Панакси и покалечил его. Только вот он сам не понимал, как это вышло. А я понимал. Панакси слишком уж сосредоточился на защите – и сам себя изувечил. Теперь же я обратил это знание против Тенната: ему показалось, что его заклинание не работает, и он испугался. А я… Я чувствовал страшную ослепляющую боль. Но я знал, что так будет. Я готовился к этому. А Теннат – нет.

Он еще сколько-то продержался, усиливая заклинание, понимая, что заодно калечит сам себя. У меня подгибались колени, перед глазами плыли круги, боль становилась все нестерпимее. Может, – промелькнуло у меня в голове, – это был не такой уж хороший план?…

И тут Теннат упал, вывалившись из своего круга.

– Хватит! – крикнул он. – Я сдаюсь! Я сдаюсь!

Заклинание потеряло силу. И мне удалось втянуть в грудь немного воздуха. Я стоял, думая лишь о том, как сохранить невозмутимое выражение лица и не выказать это невероят-

ное чувство облегчения.

Осья-фест неторопливо подошел к Теннату и склонился над ним.

– Опиши свои ощущения, – сказал наставник.

Теннат посмотрел на него, всем своим видом словно бы говоря: «Ах ты старый идиот!» Впрочем, на учителя так смотрели нередко.

– Ощущения?! Я чуть не умер! Вот какие были ощущения!

Осья-фест остался невозмутим.

– А случалось ли нечто подобное во время поединков с другими посвященными?

Я почувствовал укол страха, поняв, что Осья-фест заподозрил неладное – и теперь ищет подтверждение своим догадкам. Теннат покосился на меня, а потом вновь перевел взгляд на старого мага.

– Да… Иногда… Бывало чувство, как будто кто-то схватил твои внутренности в кулак – и сжал. Но с Келленом иначе. Тут словно бы какие-то щупальца опутали все внутри и стискивали, стискивали… Под конец я думал, что они раздавят меня совсем.

Осья-фест стоял неподвижно и молча. Дул легкий ветерок. Посвященные смотрели на меня, явно недоумевая, как удалось магу, не пробудившему ни единой магии, победить лучшего дуэлянта класса. Но все они видели поражение Теннта. И все они слышали его слова: он как будто бы ощутил

прикосновение высшей магии…

Наконец Осья-фест сказал:

– Хорошая работа, Келлен из Дома Ке. Думаю, ты прошел первое испытание.

– И пройду три остальных, – заявил я.

«Получилось! – думал я, захваченный радостью победы. – Я побил его. Я победил!»

Больше не придется проводить бесконечные часы, вперившись взглядом в татуировки на моих руках и молясь, чтобы они наконец-то вспыхнули и засветились. И не надо теперь сидеть по ночам без сна, думая, как я стану ше-теп. Как меня выставят из дома, принудив стать торговцем… или клерком. Или – сохраните предки! – слугой Тенната.

Несколько посвященных зааплодировали. Едва ли кто-то из них – кроме, может быть, Панакси и Нифении – искренне желал мне победы над Теннатом. Но наш народ… скажем так: все любят победителей. Даже сам Теннат посмотрел на меня более благосклонно, чем можно было ожидать, учитывая ситуацию. Тем более я ничего ему не испортил. У каждого посвященного есть три попытки в поединках, а Теннат выиграл уже гораздо больше.

– Что ж, – сказал Осья-фест, – начнем следующий поединок. Вызываются…

– Стойте! – раздался звонкий голос. Он был громче, чем голос наставника, и сильнее, чем любое известное мне заклинание. Этот голос разрушил все, что я сделал сегодня, и

все, что я делал до сих пор. Сердце сжалось, когда моя сестра, оттолкнув Осья-феста, подошла и встала передо мной, уперев руки в бока.

– Келлен сжульничал, – коротко сказала она.

И все мои надежды, мечты и чаяния рассыпались прахом.

Глава 2
Предательство

Все смотрели на меня, ожидая ответа на вызов, который бросила мне родная сестра. Я не всегда быстро соображаю, но кое-что дается мне без труда: оправдания, блеф и правдоподобная ложь. Сейчас, однако, и эта способность подвела. Я не знал, что сказать.

«Шеллой овладели демоны!»

«Я владею секретной восьмой формой магии!»

«Совет магов поручил мне учинить вам проверку!»

«Это сон! Мы просто спим…»

Увы, все это можно было легко проверить, просто переиграв поединок. На сей раз – с кем-то из посвященных, кого не обманет мой маленький фокус.

И я сделал именно то, чего делать ни в коем случае не следовало: оглядел окружающих в надежде, что кто-то вмешается, вступится за меня. Если и есть более верный способ признать свою вину, то мне он не известен…

Как ни странно, на помощь мне пришел учитель. На лице старого мага появились досада и раздражение, он нетерпеливо отмахнулся от Шеллы:

– Девочка, я был вынужден позволить тебе принять участие в испытаниях. Но это не значит, что ты имеешь право судить поединки. Ступай к мастеру Хемету…

– Но он сжульничал! – настаивала сестра, указывая на меня. – Келлен даже не…

– Шелла, уходи отсюда, – прошипел я сквозь сжатые зубы. И попытался одним взглядом подать ей знак.

«Пожалуйста. Если ты любишь меня, прекрати это».

Если Шелла и поняла меня, то не подала вида. Она скрестила руки на груди и застыла, как изваяние, явно не собираясь трогаться с места, пока не добьется своего.

– Он жульничает, мастер Осья-фест. Он не использовал ни одного заклинания.

Теннат выступил вперед. Он давно был уверен, что моя сестра неровно к нему дышит. В то время как Шелла никогда не считала его достойным внимания. Не говоря уж о том, чтобы Теннат стал ее парнем, когда придет срок. Теннат же решил, что настал момент произвести впечатление. Он взял Шеллу за руку и покровительственно улыбнулся.

– Поверь тогда мне. Я ведь в этом участвовал. Твой брат…

– Ой, заткнись! – Шелла отпихнула его. – Келлен не творил заклинаний. Он просто заставил тебя так думать, и ты поверил – потому что ты идиот. Келлен сделал вид, будто побеждает, и ты направил против себя собственную силу. Очень хитро, но это не магия.

Теперь все смотрели на меня. Панакси. Нифения. И остальные. Лицо Тенната стало задумчивым. Он словно пытался вновь пережить те ощущения и сообразить, были ли они реальными. Некоторые посвященные захихикали, но,

казалось, они сами до конца не понимают, над кем из нас смеются.

Уловка была настолько банальной, что она просто-напросто никому не пришла в голову. Теперь же все о ней знали. Эх, Шелла-Шелла, ну почему ты не позволила мне воспользоваться единственным моим преимуществом?…

Осья-фест нахмурился, но, когда я перехватил его взгляд, он показался мне странно мягким. «Учитель все знал, – понял я. – Знал с самого начала! Почему же ничего не сказал?…»

– Ладно, – пробурчал старый чародей. – Мне придется обсудить это с…

– Он может творить заклинания, если будет стараться! – перебила Шелла и встала в круг Тенната. – Тебе не нужны эти ухищрения, Келлен. Ты просто не веришь в себя.

Шелла предала меня – и все же я едва не рассмеялся. Она уверена, что помогает мне! Сестра хочет, чтобы я стал тем человеком, которым должен быть в ее глазах.

– Ты можешь справиться сам, – настаивала она. – Знаю, что можешь! Ты – сын Ке-хеопса! И мой брат. А не какой-то там слабак ше-теп. Докажи им это. Покажи им. Сейчас же!

Она вскинула руку, и я вдруг ощутил, как ее пальцы стискивают мое сердце. «Стой!» – пытался сказать я, но не мог выдавить ни звука. Шелла атаковала стремительно и резко – так же, как Теннат. Только вот на сей раз мне не удастся обратить магию против нее самой. Пришлось сражаться, при-

зывая всю ту реальную магию, какая у меня была. Левой рукой я составил жест заклятия щита: четыре пальца согнуты и касаются груди, а большой – выпрямлен. Я отчаянно пытался почувствовать силу из Оазиса. Куда там! Узоры на татуировке магии железа оставались бесцветными и безжизненными. «Горите!» – приказал я им. Узоры, нанесенные металлической краской, вспыхнули на миг – словно смеясь надо мной.

Горите! Вы должны засветиться! Я – сын самого могущественного мага клана. Я могу это сделать! Загоритесь, будьте вы прокляты! Горите же!

Шелла продолжала атаковать, и боль делалась все нестерпимее. Я закричал. Но, даже видя мои страдания, сестра не ослабила хватку. Она верила, что я справлюсь, что я не хуже других. И мне не хватает только приличной встряски, чтобы мои способности хлынули наружу.

– Расслабься, Келлен, – прошептала она, – и магия польется сама.

Я злился, мне было больно – и все-таки я попытался. Успокоиться. Обрести безмятежность… Как учили наставники. Однако чувствовал лишь довлеющую волю Шеллы, которая пыталась раздавить мне сердце.

«О, предки! Кажется, она сейчас и впрямь меня искалечит!»

– Давай же, Келлен, – подбодрил Панакси.

Я влил в щит все, что было, каждую каплю собственной воли, какую только мог изыскать. Использовал все свои ма-

гические запасы – и даже больше, прорываясь через заслоны и барьеры. Татуировки оставались безжизненными, но мне было на них наплевать.

«Желаешь видеть мою волю, сестричка? Ну так вот она! Вот тебе – ты, глупая напыщенная злобная и подлая! Вот тебе!»

И вдруг я ощутил покой и опустошенность. Это оно? То, о чем говорили наставники? Тишина и успокоение разума…

Нет, тишина была не голове. В моем теле. Я понял, что не дышу… Почему я не дышу?! Ответ пришел тотчас же: колени подогнулись, и я повалился на песок.

Моя маленькая сестренка остановила мне сердце.

Глава 3
Серая пустошь

У моего народа место между жизнью и смертью называется «Серой Пустошью». Здесь властвуют тени, и здесь каждый маг должен провести день, ожидая трех ударов грома, которые призовут его на суд предков.

«Это нечестно», – думал я, глядя, как мир кренится передо мной. Я падал, словно травинка, срезанная косой садовника. То, что я умираю, уже достаточно плохо само по себе. А тут еще такая унизительная смерть! Меня убила собственная сестра. Мне не исполнилось и шестнадцати. Я никогда не целовал девушку. По сути, я вообще ничего толкового не сделал в жизни. И не совершу уже великих подвигов, которые обеспечили бы мне место в загробном мире среди наших предков, первых магов…

Послышался глухой звук. Видимо, это мое тело ударилось о землю. Я попытался все же совершить нечто героическое (действительно героическое, учитывая мою ситуацию) – попытался вдохнуть. Безрезультатно.

Может, удастся соврать предкам? Сочинить историю, как я сражался со злобными магами и погиб в бою. Впрочем, наверное, богов не так-то просто обмануть. Да и в последнее время ложь не шла мне на пользу.

Старейшины клана говорят, что реинкарнация – это нака-

зание. Так боги карают за бесцветную и бессмысленно прожитую жизнь. Ты возвращаешься обратно в мир в виде кого-нибудь еще более жалкого, чем в предыдущем воплощении. Например, в виде крысы или папоротника. Правда, раз я ничего не достиг, то и нагрешить толком не успел. И видимо, мне суждено опять стать каким-нибудь сопляком джентеп, едва владеющим магией, и начать все сначала.

«Пожалуйста! Ну пожалуйста, предки, не дайте мне умереть вот так!»

Старейшины отругали бы меня за столь неподобающие мысли. Они напомнили бы, что Серая Пустошь – это место, где тепло и спокойно. Умирающий маг слышит прекрасную музыку и голоса своих любимых, славящих его имя.

А что слышал я? Ничего – кроме каких-то воплей.

Звуки пришли из мира живых. Громче всего был голос Осья-феста. Он рявкнул на других посвященных, приказывая им не путаться под ногами, а потом начал читать заклинание. Оно – если я правильно расслышал – походило на заклятие, которое используют, чтобы сохранить продукты свежими. Осья-фест – добрый старик, но едва ли его можно назвать самым сильным магом на свете. Голос наставника дрожал от отчаяния и страха, а это – плохой способ колдовать, поскольку высшая магия требует полного спокойствия и идеального сосредоточения.

«Вставай, – сказал я себе. – Дыши. Осья-фест превратит тебя в высушенный абрикос. Вставай же!»

Панакси тоже кричал, требуя найти целителя. Кажется, он еще меньше верил в способности Осья-феста, чем я сам.

Еще один голос был тихим и умиротворяющим. Нифения говорила со мной.

– Постарайся дышать, Келлен. Просто постарайся дышать. – Она произносила это снова и снова, словно повторяя, могла меня убедить.

«Дорогая Нифения, от тебя никакого толка, – думал я. – Попробуй поцеловать. Может, это заведет мое сердце. Ну, или на худой конец будет что сказать предкам». Я посмеялся бы над своими шутками, но для этого тоже требуется дышать. Кто мог подумать, что, даже лежа при смерти, я буду мечтать о любовных утехах?…

– У него кожа сереет, – сказал кто-то. Крики раздались с новой силой.

Среди всех этих знакомых голосов лишь одного я не слышал – голоса моей сестренки Шеллы. Хотя могу поклясться: я слышал ее дыхание.

Когда мы были детьми и делили одну комнату, я всегда мог понять, когда Шелле снятся кошмары. Ее дыхание приобретало особый ритм, становилось быстрым и натужным, словно она бежала вверх по холму. Таким же было оно и сейчас. И – как бы абсурдно это ни звучало – первым моим порывом было успокоить ее. Так, как я делал это в детстве, когда мы еще не владели никакой магией и засиживались допоздна, болтая о будущем. О том, какими могучими мага-

ми мы станем, когда вырастем. В те дни она нравилась мне больше. Возможно, и я ей тоже.

Сколько прошло времени с последнего удара сердца? Минута? Две минуты? Сколько можно прожить, когда твоя кровь не бежит по венам? И если я уже в Серой Пустоши, то почему она отнюдь не кажется пустой?

Старейшины говорят, что перед умирающим магом будут появляться те, кого он любит – и те, кто любит его. Ну… В каком-то смысле оно, конечно, так и было, но видел я сейчас лишь тусклый уголек, горящий надо мной. «Это солнце», – вдруг понял я. Когда я упал, мое лицо было обращено на запад, и теперь немигающим взглядом я смотрел прямо на солнечный диск. Вот почему глазам так горячо.

В любом случае от заклинания Осья-феста, видать, была все-таки какая-то польза. Иначе как объяснить, что я до сих пор осознаю происходящее, хотя сердце давно не бьется?…

Янтарный свет потускнел, стал размытым. Шелла опустилась на колени возле меня, и боль в глазах немного утихла. Она почувствовала, что я слепну, неотрывно глядя на свет. Черты ее лица проступили четче, на лице читались страх, и печаль, и… что-то еще. Отчаяние. Она убила меня – и теперь разочарована, потому что я не оправдал ее ожиданий, а вместо этого просто умираю.

Я почувствовал странное спокойствие. Если вдуматься – ничего странного. Некоторые признаки паники – бешеный пульс, учащенное дыхание, выступающий пот – это роскошь,

которую может себе позволить лишь тот, у кого бьется сердце.

Голос Осья-феста стал усталым и тихим. А мне было все труднее сосредоточиться. Я пытался увидеть его лицо, но оно расплывалось перед глазами. И словно бы становилось темнее.

– Консервирующее заклинание ослабевает, – обеспокоенно сказал Панакси.

– Я не могу больше его поддерживать. Нам нужны целители. Сейчас же! – Голос Осья-феста был хриплым и почти жалобным.

– Используйте заклинание связи с кровью! – велел Панакси. – Заставьте его сердце снова биться!

– Я не могу, – ответил Осья-фест. – Мне придется связать его сердце своим, а я слишком стар.

– Вы боитесь!

– Конечно, я боюсь, дурень. Если я сейчас умру, консервирующее заклинание прекратит действовать.

Шелла наконец подала голос.

– Тогда я это сделаю. Покажите мне как!

– Ты не сумеешь, – натужно ответил. – Ты… мало тренировалась. Я не могу… сказать твоему отцу, что… что я…

Послышался звук падения – где-то рядом со мной.

– Мастер Осья-фест? – окликнула Шелла.

– Старый дурак грохнулся в обморок, – сказал Панакси. – Не смог поддерживать заклинание.

«Ну, просто отлично, – подумал я. – Вокруг толпа магов, и никто не может меня спасти».

Теперь кто-то плакал. Для меня это было как звук дождевых капель, падающих в глубокий колодец. А где ж умиротворяющая музыка, обещанная старейшинами? Где голоса, славящие мое имя?

Я услышал «топ-топ». По песку шел кто-то в тяжелых ботинках, и шаги приближались ко мне.

– С дороги, идиоты! – рявкнул женский голос.

Она произнесла последнее слово как «идьёты». У нее был странный смешной акцент, совсем не похожий на произношение джен-теп.

– Держитесь подальше, вы все. Иначе заработаете такую чесотку, что неделю будете соскребать кожу с костей!

На меня упало что-то легкое и пушистое. Интересно, это похоже на снег? Сперва я ощутил покалывание, потом жжение, а потом кожа стала чесаться – да так, что я чуть не рехнулся.

– Прости, малыш, – сказала женщина у меня над ухом. – Приятного будет мало.

Теперь начали зудеть глаза, и зрение на миг прояснилось. Я рассмотрел женщину, стоявшую на коленях рядом со мной. Лицо – в общем, красивое, но слишком уж угловатое, с острыми чертами. Оно было обрамлено длинными рыжими волосами с единственной седой прядью, выбивавшейся из-под шляпы, какие носят жители приграничья. Я видел

такие у дароменских пастухов, перегонявших стада скота к границе своей территории. В последние годы в землях джен-теп встречается не так уж много дароменов. Эта была одета в грязноватую белую рубаху под черной короткой курткой. Изо рта торчала соломинка с мерцающим красным огоньком на конце, испускающая клубы серого дыма. Курительная соломинка? Разве можно курить рядом с больным человеком? И, боги, почему не прекращается эта чесотка?!

Послышалась какая-то возня, а потом раздался голос Шеллы:

– Кто ты? Убери от него эту штуку. Он…

– Отстань, деточка. – Женщина легко оттолкнула сестру и вновь обратила взгляд на меня. – Этот зуд вызывает порошок, который может свести тебя с ума. А после идиотского заклинания старикана ты имел все шансы стать парализованным дурачком.

И, немного подумав, прибавила:

– Хотя, конечно, все джен-теп и так малость стукнутые на голову.

– Ему нужна настоящая магия, а не эта глупая дикарская медицина, – гнула свое Шелла.

– Настоящая магия! – Женщина фыркнула. – Знаю, малыш, это неприятно. В утешение скажу: дальше будет только хуже.

Что-то ударило в грудь. Словно какой-то молот, вколачивающий меня в землю. Руки женщины были сжаты в кула-

ки. Они взметнулись в воздух, а потом снова обрушились на меня.

– Прекрати! – взвизгнула Шелла. – Ты его убиваешь!

«Сестренка, что касается убийства – ты об этом уже позаботилась».

С другой стороны, если так будет продолжаться, я стану не просто трупом, а трупом в синяках. Может, из этого удастся соорудить историю, которая понравится предкам, и они из жалости пропустят меня через врата. «Великие боги, я лежал на земле, а безумная женщина барабанила кулаками, выбивая из меня дух».

– Если не прекратишь, я сотворю заклинание пут! – пригрозила Шелла.

– Девочка, ты начинаешь меня утомлять. – Женщина ударила меня по груди в третий раз, в четвертый. А потом наклонилась, и я ощутил на губах что-то мягкое и влажное. Ощущение было странным. И приятным. Она что, меня целует? У богов странное чувство юмора.

Видать, богам не понравилось, что я над ними потешаюсь, ибо поцелуй прервался, а удары возобновились. Но было уже не так больно, как раньше, и зуд тоже прошел. На самом деле я не чувствовал ничего.

Ну вот… все-таки я умираю.

Старейшины говорят: когда твое время в Серой Пустоши закончится, послышатся три раската грома, призывающие на суд. Что ж, гром я услышал.

Первый раскат больше напоминал треск, а потом острая боль пронзила мой левый бок. Сломалось ребро.

Гром прогремел снова. На сей раз это был громкий гул где-то внутри меня. Сердце шелохнулось – и раздался его первый удар.

«Я жив! – понял я, когда в груди застучало. – Я дышу!»

Глупость, конечно, но в следующий миг я задумался: что бы такое сказать, когда я встану на ноги. Требовалось нечто смелое и умное… А потом я услышал гром в третий раз. Рев был таким громким, что, казалось, весь мир разваливается на части, и все полетит кувырком.

Конечно, это был не гром. Как и в первые два раза.

Я услышал голос своего отца. И он был очень, очень сердитым.

Кажется, судилище все-таки состоится.

Глава 4
Гром

То, что было потом, показалось мне короткими вспышками – словно бы проблесками среди теней. Они сопровождали меня на пути из Оазиса к нашему дому. Началось так: отец поднял меня с земли и прошептал на ухо:

– Не вздумай расплакаться перед всеми. Если очень нужно поплакать – потерпи.

«Джен-теп должны быть сильными», – сказал я себе. В общем-то я не плакса – никогда не понимал, какой от этого толк. Но я был вымотан, расстроен и перепуган. Так что мне потребовалось собрать всю волю в кулак, чтобы ответить:

– Я не собираюсь плакать.

Отец чуть заметно кивнул и слегка улыбнулся. В груди стало тепло, и я даже подумал: не сотворил ли он какое-нибудь огненное заклинание? Хотя, разумеется, отец никак не мог этого сделать, пока держал меня на руках.

Все, кто был в оазисе, стояли вокруг – неподвижные и молчаливые. Лишь Ося-фест по-прежнему лежал на земле. Но он слегка постанывал и, стало быть, постепенно приходил в себя. Панакси, Нифения, Теннат и остальные мои одноклассники просто смотрели на нас.

Мой отец – высокий мужчина, более шести футов ростом, с густыми черными волосами. Этим он разительно отлича-

ется от меня и от Шеллы: мы оба блондины – уродились в мать. У отца густые усы и короткая бородка, за которой он тщательно ухаживает. Он излучает гордость и чувство собственного достоинства. Отец – истинный джен-теп во всех смыслах: он силен физически, умен и обладает завидным магическим даром. Мне порой случается ловить на себе удивленные взгляды Панакси, потому что даже мой лучший друг не может поверить, что я – сын могущественного Ке-хеопса.

– Я могу стоять на ногах, – сказал я отцу, осознав, каким слабым и жалким выгляжу перед остальными посвященными. Он, однако, не разжал рук.

Шелла нерешительно подошла к нам.

– Отец, не сердись на…

– Молчать, – сказал он, и сестра захлопнула рот.

Я наблюдал, как отец внимательно рассматривает всех окружающих – его взгляд перебегал от одного участника событий к другому. Я знал, что все их мысли ясны ему, словно он сумел проникнуть в разум каждого. От него не ускользнуло ни единое их движение, жест или взгляд. Я знал, что он воссоздает картину произошедшего, улавливая страх или чувство вины каждого стоявшего здесь человека. Затем на лице отца отразилось легкое недоумение. Я повернул голову. Он смотрел на женщину, которая спасала мне жизнь.

– Ты, – сказал он. – Как тебя зовут?

Женщина сделала шаг навстречу, словно давая понять, что не боится его.

– Фериус Перфекс. – Она протянула руку и стряхнула что-то с моего лица. На ее коричневой перчатке остались следы сероватой и зеленоватой пыли. – Надо будет его вымыть. Если порошок попадет на кожу, он опять начнет действовать.

Отец едва дождался, когда женщина договорит.

– Ты сейчас пойдешь с нами.

Фериус Перфекс, со своей единственной седой прядью в рыжей копне волос, выглядела, однако, лишь немногим младше моего отца. Она уперла руки в бока и громко рассмеялась:

– Надо же! А я-то думала, джен-теп знают все волшебные слова.

В толпе раздались вздохи охи и шепотки. И громче всех охнула Шелла. Никто не смел разговаривать с Ке-хеопсом подобным образом. И уж точно – не какая-то безвестная дароменская бродяжка. Отец стиснул зубы. Затем, однако, он проговорил:

– Прости. Не будешь ли так любезна пойти с нами? У меня есть к тебе вопросы, которые касаются здоровья моего сына.

Фериус взглянула на меня и подмигнула с видом человека, вызвавшего благодатный ливень в засушливый день.

– Разумеется, я пойду.

Я вдруг почувствовал, что обязан внести свою лепту в этот разговор:

– Меня зовут Келлен.

– Приятно познакомиться, Келлен. – Она слегка припод-

няла шляпу, чтобы миг спустя нацепить ее обратно на голову. У дароменов много странных маленьких ритуалов вроде этого.

Неподалеку послышалась возня. Осья-фест, опираясь на руки нескольких посвященных, пытался подняться на ноги.

– Господин Ке-хеопс…

– Кто-нибудь, помогите ему, – сказал отец.

Старика тут же подхватили под мышки и поставили на ноги. Осья-фест шатаясь направился к нам.

– Я могу подробно рассказать, что здесь…

– Отдохни, – сказал отец. – Кто-нибудь из этих проводит тебя домой. Поговорим завтра.

Осья-фест выглядел так, словно ему только зачитали приговор. Фериус раздраженно фыркнула.

– Маги! – сказала она. В ее устах это прозвучало… как-то необычно. Словно она вкладывала в слово некий иной смысл, нежели у нас.

Я смотрел, как посвященные уводят Осья-феста, почти таща его на себе. Видел, как остальные смотрят им вслед. И видел, как исподволь поглядывают на меня. Мне стало невыносимо стыдно.

– Я могу стоять сам, – сказал я отцу.

На миг его глаза сузились, но он поставил меня на ноги. Колени тут же подогнулись, а взгляд затуманился. Кажется, я слишком поторопился…

– Никогда не видела, чтобы человек так быстро очухался

после остановки сердца, – сказала Фериус, похлопав меня по спине. Только вот на самом деле она вовсе не похлопывала. Она придерживала меня за рубашку, не давая упасть лицом вниз.

Отец притворился, будто ничего не заметил. Он сделал шаг вперед, загораживая меня от остальных, а Фериус – теперь уже двумя руками – удерживала от падения.

– Вам всем пора по домам, – сказал отец. – Расходитесь.

Через несколько секунд Оазис опустел. Никто не промедлил. Никто не сказал мне ни слова. Даже Панакси и Нифения. А Теннат не скорчил оскорбительную мину. Мы остались одни, в обществе лишь Шеллы и Фериус. Отец обернулся к дароменке и коротко кивнул. Фериус разжала руки, и я рухнул бы, но отец подхватил меня и снова взял на руки.

– Тебе надо поспать, – сказал он.

Это был не приказ и не заклинание. Я мог бы бодрствовать и дальше, если б постарался, но видите ли… Во мне жила крохотная робкая надежда: если я сейчас усну, то потом, когда проснусь снова – выяснится, что все это было жутким отвратительным кошмаром.

И потому я закрыл глаза, продолжая надеяться.

Глава 5
Противостояние

По пути домой я несколько раз просыпался. Отец шел ровным твердым шагом, словно вес моего тела вовсе не мешал ему. Открывая глаза, я всякий раз видел, как темное небо озаряется светом, стоило нам пройти под одним из магических уличных фонарей.

– Тебе надо бы гасить эти штуковины, если хочешь сохранить все в тайне, – заметила Фериус. Она шла за нами, ведя в поводу черно-серую лошадь в яблоках.

Шелла кинула на нее яростный взгляд.

– Ты сомневаешься, что мой отец справится…

Отец произнес одно единственное слово:

– Дочь. – И Шелла замолкла, вперив взгляд в светлые булыжники мостовой.

Фериус коротко рассмеялась.

– Что смешного? – спросил я.

– В вашем языке так много магических слов. Кто бы мог подумать, что слова «дочь» и «молчать» означают одно и то же?

Я почувствовал, как напряглись руки отца.

– Язык у тебя хорошо подвешен. Я так понимаю, ты – какая-то бродячая артистка? Может, за несколько монет устроишь для нас представление?

Отец считает актеров и певцов лишь слегка полезнее, чем песчаные блохи.

– Благодарю, великий Ке-хеопс. – Фериус то ли не заметила сарказма отца, то ли ей было наплевать. – Нет, я скорее картограф.

– Ты составляешь карты? – Я посмотрел на вьюки, висящие на спине ее лошади, ожидая увидеть деревянные тубы вроде тех, что использует моя мать для хранения карт. Ничего похожего. – Где ты их держишь?

Фериус похлопала по карману куртки.

– Вот тут.

Как можно носить карту в кармане? Я хотел спросить об этом Фериус, но тут заметил, что дома по обе стороны улицы стали ветхими и убогими. Исчезли трех- и четырехэтажные особняки из известняка и мрамора вроде тех, что стоят на улице Предков. На фасадах не было бронзовой и серебряной отделки, типичной для домов джен-теп. Да и вообще никаких украшений – лишь кое-где попадались вывески лавок. Да и магические фонари пропали. Только свет масляных ламп пробивался сквозь щелистые ставни кособоких окон.

– Почему мы идем через трущобы ше-теп? – спросил я отца. – По улице Предков быстрее.

– Зато тут… спокойнее.

Спокойнее. Ты действительно низко пал, если родной отец стесняется показаться с тобой на публике. Мое сердце сжалось. Плевать, что я победил Тенната, не сотворив ни

единого заклинания. Никто не считал меня умным или храбрым – даже отец. Все, что имело значение, – моя магия слаба.

– Что ж, это мудро – выбрать спокойную дорогу, если хочешь избежать проблем, – сказала Фериус и сунула руку в карман жилета, достав курительную соломинку.

Ее реплика показалась мне вполне невинной, но Шелла взвивалась всякий раз, когда ей казалось, будто кто-то оскорбил отца.

– Как ты смеешь думать, что Ке-хеопс может…

– Дочь!

Слово прозвучало внезапно, громко и резко, и я не сразу сообразил, что произнесла его Фериус. Шелла остолбенела и застыла на месте, словно кто-то наложил на нее заклинание пут.

– Да ты глянь! – Фериус ухмыльнулась. – И правда работает. Мое первое магическое заклятие. – Она сунула курительную соломинку в зубы и наклонилась к Шелле. – Огонька не найдется, детка?

Шелла одарила ее взглядом, который явно давал понять: она не пожертвует Фериус и капли своей магии. Не успев сообразить, что делаю, я поднял руку и призвал магию огня. Я использовал всю мощь разума и воли, представляя, как между пальцами возникает огонек. А потом прошептал несложную формулу:

– Сепул-танет.

Ничего.

Находясь так далеко от Оазиса, я не смог бы зажечь и свечу. Меня накрыла волна усталости – и почудилось, будто силы магии огня врезаются в кожу.

– Ладно, ничего страшного, – сказала Фериус. – Применю свою магию.

Она щелкнула пальцами, и в них появилась спичка. Фериус чиркнула головкой по большому пальцу, и спичка загорелась. Миг спустя Фериус уже выпустила изо рта толстое кольцо красноватого дыма.

– За нами кто-то идет.

– Не обращай внимания, – сказал отец, не сбавляя шага. – Может, какие-то любопытные ше-теп.

– Отец сотворил охранное заклинание, когда мы уходили из Оазиса, – сообщила Шелла. – Он почувствует любого мага за сотню ярдов.

– Правда? – спросила Фериус. – Вы такое можете?

Шелла самодовольно улыбнулась:

– У нас есть заклинания для всего.

Фериус затянулась своей курительной соломинкой.

– Тогда интересно узнать, о великие и могущественные маги, может, есть и заклинание для противодействия охранному? – Ни отец, ни Шелла не успели ответить, когда Фериус прибавила: – Потому что те люди уже здесь, и это не ше-теп.

В темноте за нашими спинами раздались голоса, а потом послышались шаги нескольких пар ног, обутых в сандалии.

– Ке-хеопс! Остановись и ответь за преступления твоего

дома!

Отец поставил меня на ноги. Колени все еще подгибались, и я прислонился к ветхому дверному косяку одежной лавки. Глянув в сторону улицы, я увидел развевающиеся алые одежды Ра-мета.

Как и мой отец, Ра-мет – один из лорд-магов нашего клана. Он, пожалуй, единственный человек в клане, который ненавидит меня еще больше, чем Теннат, его сын. Он тоже явился сюда, вместе с двумя своими старшими братьями.

– Добрый вечер, лорд-маг, – сказал отец Ра-мету. Кивнул остальным. – Последователи. Посвященный.

Оба парня были старше и уже прошли испытания пару лет назад. Рафан был теперь магом охраны, а Редир – боевым магом. Оба казались спокойными, почти безмятежными. Именно так и выглядит маг, готовясь творить заклинания. И зрелище это отнюдь не радовало.

Отец остался невозмутим.

– Надеюсь, ты не позабыл указ Верховного мага клана, Ра-мет? Нашим домам запрещено враждовать.

Теннат сдавленно хихикнул. Он из тех, кто слишком глуп, чтобы понять, как опасно нарушать указ. У джен-теп есть множество защитных заклинаний, но ни одно не укроет тебя от гнева Верховного мага клана, если ты пойдешь ему наперекор.

– Мы пришли, чтобы требовать исполнения закона! – заявил Ра-мет. – Это твое глупое существо пойдет с нами.

Отец демонстративно оглядел меня, Шеллу, Фериус и себя.

– О котором глупом существе ты говоришь? Кажется, сегодня я ими окружен.

Ра-мет указал на меня своим посохом, украшенным серебром и затейливой резьбой. Посох был символом его должности, а вдобавок – усиливал магию Ра-мета.

– Этот презренный негодяй жульничал в поединке посвященных, – сказал он.

Голос у Ра-мета – чистый и музыкальный, очень красивый. Даже я, хотя был зол и напуган, не мог этого не признать. А Ра-мет прибавил:

– Сегодня же ночью Келлен, сын Ке-хеопса будет арестован и помещен под стражу.

Отец колебался. Отрицать слова Ра-мета – значит солгать коллеге и члену Совета, что само по себе преступление. Но если он признает обвинение, меня отстранят от испытаний. Я поставил отца в безвыходное положение.

«Черт бы вас побрал, предки! Тысячу раз – за то, что сделали меня таким слабым!»

– Мое заклинание не сработало, – сказал я. Формально это была правда. И во время поединков такое случалось. – Мне просто нужен второй шанс, чтобы…

– Не сработало – и ты победил моего сына при помощи лжи и грязных трюков! – Ра-мет зыркнул на моего отца. – Видишь? Мальчишка сам признает, что его магия слабая. Его

не следовало допускать к испытаниям. Ему вообще не место среди посвященных. Сколько раз я тебе это говорил? Его следовало сделать ша-теп еще много лет назад.

– Я… я не победил Тенната, – пробормотал я, содрогнувшись при мысли, что судьба моя давно могла быть решена. – Заклинание не получилось – вот и все. Мне надо еще немного потренироваться. Только…

Кончик дубового посоха Ра-мета описал дугу, и на миг мне показалось, что он хочет ударить меня. А может, сотворить заклинание. Краем глаза я заметил движение и обернулся. Фериус сунула руку в карман куртки.

– Хватит размахивать палкой, приятель. Ты меня раздражаешь.

Теннат, до сих пор молчавший, обнаружил наконец, человека, которому можно было безбоязненно угрожать. Знаки магии железа на его руке засветились призрачным сероватым светом, прорезавшим темноту.

– Еще раз откроешь рот, оборванка, и следующее, что из него вырвется, будет мольба о пощаде!

Фериус затянулась курительной соломинкой и кивнула, словно приняв его слова к сведению.

– Звучит серьезно, – сказала она и выпустила клуб дыма. Теннат и оба его брата закашлялись. – О, извините. Просто я немного испугалась.

Теннат попытался выдавить проклятие, но лишь кашлял все сильнее и сильнее.

– Помолчи, Теннат, – сказала Шелла. – Ты просто расстроился, потому что проиграл поединок. – Она повернулась к его отцу, выказав тому чуть больше уважения. – Ра-мет, Келлен не сделал ничего запретного. Он не расставлял никаких ловушек и не использовал оружие. Теннат решил, что проигрывает, и сдался. Вины Келлена в этом нет. И правила не нарушены.

Ра-мет открыл было рот, но отец не дал ему заговорить. Он обернулся к Теннату.

– Ты был ранен, мальчик? Мой сын как-то навредил тебе своим… тем, что он сделал?

Теннат вздернул подбородок.

– Нет! Со мной все в порядке. Келлен не способен мне навредить. Он для этого слишком слаб!

Глаза отца чуть заметно сузились, но он лишь кивнул.

– Тогда вопрос исчерпан. – Он глянул на Ра-мета. – Твоему сыну не причинили никакого вреда. Произошло недоразумение. Это можно решить между уважаемыми семьями, не обращаясь к суду.

На миг показалось, что тем дело и кончится и все разойдутся по домам. Но не тут-то было. Ра-мет неожиданно указал своим посохом на Шеллу.

– Ты! Сражалась со своим братом без вызова на поединок. Без позволения. Без договоренности. – Он снова обрел уверенность и обратил взгляд на отца. – Твоя маленькая мерзавка напала на посвященного, который едва завершил по-

единок. Такое преступление нельзя оставить без наказания. Девчонку нужно связать контр-магией. Навсегда.

Глаза Шеллы расширились от ужаса. То, что предложил Ра-мет, было немыслимо. Если отца вынудят вплавить контр-сигиллы в ее татуировки, она потеряет способность использовать какую бы то ни было магию…

На лице отца отразилась боль. Фериус же лишь рассмеялась.

– Наши законы кажутся тебе забавными, бродяжка? – спросил Рафан, выступая вперед.

– Да нет. Просто вы так трогательно вдруг забеспокоились о Келлене. Хотя пять минут назад собирались его арестовать. Очень мило видеть такую заботу.

По посоху Ра-мета заструился синий и красный свет – словно две переплетающиеся огненные змеи.

– Придержи язык, женщина. Ты ничего не знаешь о могуществе джен-теп.

Фериус снова засунула руку в карман куртки. Она выпустила изо рта еще один клуб дыма – на сей раз прямо в лицо Ра-мету. Тот закашлялся.

– Если не прекратишь размахивать своей дымной палкой у меня перед носом, то обнаружишь ее где-то в очень неудобном месте.

Ее губы сдержали легкую улыбку, но взгляд стал серьезным. Смертельно серьезным.

Ра-мет прокашлялся и коротко рассмеялся.

– Хочешь драться, оборванка? Собираешься сразиться с лорд-магом джен-теп? О, скажи «да»! Или просто кивни. И получишь то, что желаешь.

Словно по сигналу все три сына Ра-мета выстроились в ряд. Магическая энергия обволакивала их руки, заклинания были наготове.

Я почувствовал, как напряглась Шелла. А потом попыталась успокоиться. Она опустила руки вдоль тела, но ее пальцы шевелились – она готовилась дать отпор. Фериус же все еще держала руку в кармане. Несомненно, там было какое-то оружие.

А я? Ну, думаю, я мог бы броситься на кого-то из врагов и попробовать сбить его с толку.

– Вы рехнулись? – сказал отец. – Указ Верховного мага клана запрещает нам враждовать. Он отправит в изгнание весь твой дом!

Такая угроза должна была привести Ра-мета в чувства, но нет. Рафан и Редир ухмыльнулись. Теннат откровенно хихикнул. Они выглядели как стая шакалов.

Они что-то знают! Чего не знаем мы.

– Видимо, ты был сегодня очень расстроен поведением твоих несносных детишек, – сказал Ра-мет и кивнул в сторону центра города. – Иначе заметил бы огни над дворцом.

Я глянул туда, куда он указывал. Туда, где возвышался дворец. С его крыши били в небо семь разноцветных лучей. Бледные, они почти терялись на фоне звезд. Мне никогда

еще не доводилось видеть зажженными семь священных огней, но даже я знал, что они означают: Верховный маг клана мертв.

– Ужасная трагедия, – сказал Ра-мет, даже не пытаясь сделать вид, что он расстроен. – Завтра Совет объявит о выборах следующего Верховного мага клана. Разумеется, все вендетты между великими домами будут запрещены. Но то завтра. А сегодняшняя ночь – время сводить счеты. Потом, когда начнутся выборы, Совету будет некогда нас карать.

– Ну хватит! – слова отца эхом разнеслись по пустынной улице. Он шагнул вперед и встал напротив Ра-мета. – Ты пришел ко мне как вор в ночи, чтобы бросить обвинения? Иди домой. И жалуйся Совету утром. Или же, если ты желаешь, чтобы мы дрались как собаки за кость, – ладно. Мы это устроим. Но ты будешь сражаться со мной, лорд-маг. Не с моими детьми. И не с этой женщиной.

Казалось, холодный тон и жесткий взгляд моего отца смутили Ра-мета. Мне даже подумалось, что он отступится и уйдет. Однако Ра-мет сказал:

– Всю свою жизнь я наблюдал за тобой, Ке-хеопс. И ты всегда был напыщенным гордецом. Вел себя так, будто лучше всех нас. Но сколько б ни было у тебя могущества, ты всего лишь человек. – Ра-мет кивнул на своих сыновей. – Моя кровь сильна. Каждый из моих детей – Истинный маг нашего народа. А ты позабыл мудрые слова предков, Ке-хеопс: «То, что важно – это дом и род. Не человек».

Так и есть: они готовы драться. Даже такой сильный маг, как мой отец, не одолеет в одиночку и Ра-мета, и его сыновей. У Шеллы отличный потенциал, но его не хватит против лорд-мага, защиты мага и мага-бойца.

«Сделай что-нибудь, – сказал я себе. – Ну хоть что-то!»

Легкий смешок прорезал тишину. Его, конечно же, издала Фериус.

– Хочешь бесплатный совет? В следующий раз, когда задумаешь внезапное нападение, не давай противнику столько времени на подготовку. – Она в последний раз затянулась, потом кинула окурок на землю и придавила каблуком. Руку Фериус по-прежнему держала в кармане.

– Ну, покажи свое оружие, женщина, – сказал Ра-мет. – Думаешь, какой-нибудь ножик тебя спасет?

Фериус вынула руку из кармана и вытянула вперед.

Она была пуста.

– Видали? – Теннат засмеялся. – Она трюкачка, как Келлен. У нее и оружия-то нет.

Фериус улыбнулась, а потом выпустила изо рта последнюю порцию дыма – в лица Ра-мета и его сыновей.

– Кому вообще нужно оружие? – спросила она, когда все трое вдруг закашлялись еще сильнее, чем прежде. Лишь теперь я осознал, как аккуратно и продуманно Фериус выпускала дым, все время выдыхая его на них – не на нас. – Ужасно едкая штука для легких, если не иметь к ней привычки. И вызывает жуткую головную боль.

Фериус обернулась ко мне.

– Кажется, чтобы творить магию, нужно четко говорить и ясно мыслить? Вроде того, да?

Рафан, с позеленевшим лицом, вытянул руку и сотворил жест, направив его на Фериус.

– Медрейн-э-фе… – Голос его дрогнул, и он снова разразился кашлем.

Редир тоже попытался произнести заклинание, но едва выговорил первый слог, как резко отвернулся, и его стошнило на дорогу.

Фериус посмотрела на затоптанный окурок.

– Надо бросать это дело. Жутко вредная привычка.

Ра-мет сделал глубокий вдох. Его лицо было спокойным, а взгляд – сосредоточенным. Он тоже выглядел бледным от воздействия дыма, но в отличие от сыновей имел силу и волю, чтобы сопротивляться его эффекту. Однако прежде чем он успел открыть рот, заговорил мой отец. Руки он держал перед собой. Пальцы отца не шевелились, татуировки не сверкали. Он терпеть не мог всю эту показуху.

– Подумай хорошенько, чего ты хочешь, Ра-мет из дома Ра. И скажи, как мне использовать свои руки. Я могу взять сына и отнести домой. Или же – могу ответить на вызов, чтобы решить наш спор раз и навсегда. Выбирать тебе.

Ра-мет застыл на месте. Он больше не сыпал угрозами и не размахивал посохом. Отец доступно объяснил, что есть лишь два варианта. А без Рафана и Редира за спиной Ра-

мет не сумел бы справиться с моим отцом – и знал это. Он глянул на сыновей и кивком приказал им уходить. А потом обернулся ко мне.

– Ты не получишь золотой диск за тот поединок, мальчик. Ты провалишь остальные три испытания, как провалил первое. И тогда окажешься среди ше-теп, где тебе самое место. – Он сгреб в охапку Тенната, который все еще кашлял и изрыгал рвоту, и повернулся, чтобы уйти. – Даже твои родители всегда знали, где тебе место.

Слова были резкими и жестокими, и я знал, что Ра-мет хочет ранить ими не только меня, но и моего отца. Сердце мое сжалось, но тут Фериус усмехнулась и подтолкнула отца локтем.

– Сколько было слов! Всех этих размахиваний посохом и магических хлопушек! А вы послали его подальше одним грозным взглядом. Теперь вижу, откуда у ваших детей такая выдержка.

Я вдруг ощутил странную гордость.

Глава 6
Дом

Я убедил отца позволить мне самому пройти остаток пути до дома. Правда, подозреваю, шел я не очень долго, поскольку очнулся в комнате матери. У них с отцом общая спальня, но у каждого есть еще своя личная комната. Что до комнаты матери, она оборудована для двух ее любимых занятий – медицины и астрономии.

Открыв глаза, я увидел стену с развешенными на ней звездными картами. Я лежал на боку – на канапе под шелковым покрывалом.

С шести лет я проводил в этой комнате долгие часы, пока родители творили бесконечные заклинания, пытаясь усилить мои магические способности. Этот процесс изматывал и их, и меня. После таких сеансов я валялся на этом канапе – ослабевший и едва способный пошевелиться. Так что мне была знакома каждая трещинка на стене, каждая царапинка на мебели. Теперь мне было странно видеть, что мамины телескопы в углу комнаты, сваленные как попало. На ее письменном столе лежал большой лист пергамента и стояла открытая бутылка чернил. Видимо, мать работала над новой картой, когда отец принес меня к ней.

В другом конце комнаты стояли шкафы с лекарствами и медицинскими принадлежностями. Их дверцы были распах-

нуты настежь, а на полу валялись обрывки льняных повязок. Похоже, дела мои еще хуже, чем казалось вначале.

Из-за двери доносились голоса, но слов было не разобрать. Я попытался встать на ноги – и зря. Меня тут же замутило, а в мозг словно воткнулись десятки железных шипов. Я охнул и плюхнулся обратно на канапе.

Как часто говорит отец: джен-теп должен быть сильным.

«А любитель подслушивать – еще сильнее», – мысленно прибавил я и сполз на пол, встав на четвереньки. Таким манером я добрался до двери и прижался к ней ухом. Как правило, сквозь толстое дерево ничего не слышно. Но как правило, люди и не орут так громко.

– Я не виновата! – вопила Шелла тонким визгливым голосом. – Это Келлен мухлевал! Он жульничал!

Отец не кричал, и все же от его зычного голоса едва не трескались стены.

– А ты в своей гордыне предала родного брата. Нашу семью. Нашу кровь.

– Но…

Шелла осеклась, и я услышал приглушенные рыдания.

– Ке-хеопс… – сказала мать. Ее голос был более тихим. Скорее, просящим, чем властным.

– Один – лжец, другая – предательница, – сказал отец. – Неужто наш род так слаб? Так ущербен? Дом Ра мечтает нас уничтожить. И как мне теперь выставлять свою кандидатуру на место Верховного мага клана? Сейчас – когда мои соб-

ственные дети выказывают все признаки дурной крови?

– Шелла – еще ребенок. Она не знает, что…

– Ребенок?! Этот ребеночек зажигает татуировки одну за другой. Ее сила возрастает день ото дня. Каким магом она станет, если даже не понимает, что такое честь и совесть? Если вместе с силой растут только ее высокомерие и гордыня?

Последовала долгая пауза. Я лишь слышал, как скрипят половые доски под тяжелыми шагами отца.

– Я мог бы связать ее контр-магией, – сказал он. – Навсегда. Все нужные металлы ждут в моем кабинете. Я знаю сигиллы. И мне даже не нужно спрашивать позволения Совета.

– Дорогой! Ты не можешь!

– Отец, нет! Пожалуйста!

Шаги затихли.

– Я – глава этого дома. Мое право и моя обязанность – защищать семью и клан от порченой крови. И я свяжу ее навеки, если придется. Не сомневайся.

Я представил себе Шеллу, скованную волей отца. Представил, как он втыкает в ее предплечья иглы, вводя под кожу металлические краски – медь, серебро… Контрсигиллы, которые навсегда закроют ей доступ к магической силе…

– На самом деле ты так не думаешь, – сказала мать. Теперь ее голос стал твердым как сталь. Она редко использовала этот тон, но даже отец знал, что в таких случаях не стоит испытывать ее терпение.

– Прости меня, отец, – прохныкала Шелла. Я глотнул

немного воздуха, вдруг поняв, что не дышал. Я знал, как сильно отец любит Шеллу. И все же, казалось, он сейчас обдумывал возможность, которую и вообразить-то нелегко.

– Ступай в свою комнату, – сказал он. Его голос стал мягче. Сейчас он звучал устало, в нем были ноты обреченности. – Мне нужно все обдумать, чтобы принять правильное решение.

И снова воцарилась тишина. Прошло, должно быть, несколько минут, прежде чем снова послышались голоса.

– Шелла не такая, как твоя мать, Ке-хеопс. Да и ее нельзя винить за то, что она совершила. Сирентия была больна. Она…

– У нее была Черная Тень, – сказал отец.

Мир стал тихим и неподвижным, словно бы испугавшись слов, которые произнес отец.

Черная Тень.

Есть семь основных источников магической силы, но джен-теп пользуются лишь шестью – огнем, железом, шелком, песком, кровью и дыханием. Никто не притрагивается к седьмому, потому что седьмой – это магия тени. Магия тьмы и пустоты. Магия демонов. К ней обращались медеки – наши древние враги. Они использовали заклятия тени. Вот потому-то все медеки давно мертвы.

Моя бабушка умерла, когда мы с Шеллой были еще маленькими. Я знал, что она лишилась рассудка, а маг такой силы, какой она обладала, не может оставаться в живых, став

безумным. Но неужели она и впрямь была больна Черной Тенью?

Неудивительно, что отца так тревожит поведение Шеллы…

– Милая у тебя семейка.

Я резко повернулся и потерял равновесие, запутавшись в собственных ногах. Если бы Фериус не подхватила меня, я, вероятно, просто вывалился бы в окно.

– Решил, что умеешь летать, малыш?

Я взглянул на нее снизу вверх, вновь залюбовавшись копной непослушных волос цвета меди, обрамлявших лицо. Такие волосы подошли бы какой-нибудь леди из высшего света, если бы так сильно не выгорели на солнце. Их было слишком много, чтобы даже широкополая шляпа могла защитить их от жарких лучей. Черная куртка Фериус выглядела потертой и видавшей виды, а льняная рубашка давно утратила первоначальный цвет от въевшейся дорожной пыли. Извечная кривоватая ухмылка Фериус придавала лицу лукавое выражение; она словно бы готовилась выдать очередную шутку. Здесь, в изящно обставленном кабинете моей матери, она выглядела чужой и неуместной.

– Как ты сюда пробралась? Я тебя не слышал.

Она помогла мне устроиться на полу и подмигнула.

– Кто знает?… Может, это магия.

– А разве даромены умеют…

Фериус прыснула.

– Джен-теп! Вы так зависите от своих заклинаний, что даже вообразить не можете, как прожить без них хоть полдня. Ты отвлекся, малыш, – вот и все. Я минут пять стучала в окно. Но ты был так увлечен подслушиванием, что не замечал ничего вокруг. Если б сюда пробралась какая-нибудь древесная змея, она вполне могла бы тобой перекусить.

– Я едва не умер, когда родная сестра обрушила на меня заклинание, – сказал я с некоторой обидой. – И сейчас не в самой лучшей форме, знаешь ли. И вообще, сколько времени?

Она пожала плечами.

– Я не очень-то обращаю на это внимание. Но, думаю, оставила тебя здесь часа четыре назад.

– Я провалялся без сознания четыре часа?

– Может, и больше. Перед уходом мне еще пришлось объяснить твоей матери, как я вернула тебя к жизни. – Фериус покачала головой. – И эта женщина называет себя целительницей?… Потом еще твой отец задал тучу вопросов, а твоя сестра – вывалила кучу извинений. Но никто не предложил мне выпить. Пришлось поискать кабак, но в этом вашем занюханном городишке после полуночи все закрыто. Тогда я решила, что пора вернуться и проведать тебя.

Мне показалось немного странным, что дароменский картограф может чего-нибудь не найти в городе. Впрочем, не факт, что она и правда картограф. А может, просто вернулась, надеясь, что ей заплатят за мое спасение.

Я на цыпочках вернулся к двери, чтобы проверить, слышно ли нас с той стороны. Родители все еще спорили, но уже не на таких повышенных тонах. Я различил лишь отдельные слова – «слабость», «недостатки» и, разумеется, собственное имя.

Ослабнув от стыда и усталости, я вернулся и сел на канапе. Фериус опустилась рядом и полезла в карман за своей курительной соломинкой.

– Не очень-то мне по душе твое семейство, малыш.

Это меня задело. Да, я был бы сейчас мертв, если б не Фериус Перфекс. Но какое она имеет право судить нас?

– Видимо, твои родственники гораздо лучше?

– Все мои родственники давно умерли, – сказала она, чиркая спичкой и вдыхая дым. – Так что они по крайней мере не такие шумные.

Послышался тихий стук в дверь – и я вздрогнул. Абидос, наш слуга, вошел в комнату с подносом. Ноздри защекотал аромат горячего хлеба и сыра с маком. А остро-сладкий запах подогретого гранатового сока наполнил рот слюной.

Заметив Фериус, Абидос замер.

– Я вижу, вы вернулись, леди Фериус.

– Я не леди. Но да, я вернулась.

Абидос поставил поднос на столик.

– Я не уверен, что вы сегодня вообще ели, господин Келлен. – Он покосился на Фериус и быстро отвел взгляд.

– Ой, расслабься, Аби, – сказала она со смешком. – У тебя

такой вид, будто ты размышляешь, пришла ли я убить мальчика или соблазнить его.

– И что с того? – спросил он.

– Абидос! – Я возвысил голос. – Эта женщина – наша гостья. Ты должен…

– Не бери в голову, Аби, – перебила Фериус, укоризненно глянув на меня. – Убийства и совращения сегодня в мои планы не входят.

– Что ж, тогда все к лучшему. Я вас оставлю. – Слуга коротко кивнул мне и вышел.

Я был зверски голоден и успел уничтожить половину хлеба и сыра, когда заметил на лице Фериус странное выражение. Она задумчиво смотрела в сторону двери.

– Что случилось? – сказал я. – Абидос не хотел грубить. Он просто защищает меня.

– Он очень похож на твоего отца, – сообщила она.

– А, это. Да, они братья, – объяснил я и сделал еще глоток сока.

– То есть он твой дядя?

– Ну… формально, да.

– И ты разговариваешь с родным дядей как с прислугой?

– Он и есть прислуга. Абидос – ше-теп, – сказал я, хотя был уверен, что Фериус и сама отлично это знает. Но ее взгляд выражал смущение, словно я в чем-то провинился. – С ним хорошо обращаются. Некоторых ше-теп отсылают служить в чужие дома или вообще отправляют на рудни-

ки. Большинство из них живут в трущобах на окраине. А вот Абидос живет вместе с нами. Отец относится к нему как к родному.

Фериус снова втянула дым.

– Как благородно с его стороны.

Она сказала это словно бы в шутку, но я опять ощутил укол вины. Пожалуй, стоило сменить тему.

– А ты в тот раз правда только притворялась, что у тебя есть оружие?

– Оружие?

Я указал на ее куртку.

– Ну, когда Ра-мет…

– Ах, это! – Фериус сунула руку в карман и достала небольшую стопку тонких картонок – каждая размером с ее ладонь. Азартные игры у джен-теп запрещены, и я не сразу понял, что это такое.

– Игральные карты? – ошарашенно переспросил я. – Ты угрожала лорд-магу клана какой-то жалкой колодой карт?

Ее лицо приняло притворно-оскорбленное выражение.

– Жалкой? Да это, между прочим, смертоносная штука, если хочешь знать!

Я наблюдал, как Фериус раскладывает карты на столике перед нами. До сих пор я никогда не видел игральные карты и был заворожен яркими красками и красивыми картинками. Даже те, на которых были лишь цифры и масть, отличались изяществом и вызывали в памяти истории о древних

битвах и придворных интригах.

Фериус разделила карты на четыре стопки, по мастям. Она взяла первую стопку и положила передо мной, указав карту с изящно выписанной цифрой девять, окруженной щитами.

– Это нумерованная карта.

Затем она показала другую – с картинкой. Странно одетый человек в короне сидел на троне, украшенном изображением чаш.

– Это фигурная карта.

Фериус собрала колоду и сложила все стопки вместе.

– Существуют четыре масти. Каждая состоит из десяти нумерованных карт и трех фигурных.

– А это что? – Я указал на карту, которая вроде бы не принадлежала ни к одной масти. На ней была изображена женщина, держащая в одной руке огонь, а в другой – лед.

– Мы называем это дискордансом, – ответила Фериус. Она вынула карту из колоды и поспешно убрала в карман. – Такие карты немного опасны, пока мы не будем с ними связываться.

Я не успел спросить, чем может быть опасна игральная карта – Фериус уже пустилась в объяснения, рассказывая о составе колоды и о карточных играх. Она перечислила некоторые названия – «Сельский твист», «Королевская свита», «Солитер», «Шестерка». И так далее, и так далее. В каждой игре были свои правила и своя стратегия. Я совершенно за-

путался во всех этих сложностях. Мне и в голову не приходило, что карточных игр так много.

Я завороженно наблюдал, как Фериус тасует колоду. Ее руки двигались плавно и ловко, карты так и скользили между пальцами. Все равно что смотреть, как искусный маг демонстрирует связки сложных жестов…

Да, это и впрямь походило на магию.

– Вот так. – Фериус посмотрела на меня и ухмыльнулась. – Хочешь, покажу тебе парочку заклинаний?

Глава 7
Карты

Не знаю, сколько мы просидели, играя в карты. Когда я опомнился, первые солнечные лучи уже заглядывали в открытое окно комнаты матери. Играли в карты. Это слово даже примерно не передавало моих подлинных ощущений от действа.

Я без труда запоминал правила игр и постигал способы обращения с картами. У меня всегда были отличная память и координация движений. Жаль, что магия – это не просто ловкость рук и умение запоминать правильные последовательности.

– Ты меня сделал, малыш, – сказала Фериус, притворившись, что ее сердце пробила стрела, и делая вид, что падает.

Я посмотрел на карты. Мы только что резались в «Гарпуны», и я победил, хотя играл в них первый раз.

– Ладно, – сказала она, – не зазнавайся. – Она собрала карты и снова сложила их в аккуратную стопку.

– Мы больше не будем играть? – разочарованно спросил я.

Она покачала головой.

– Хочу показать тебе еще кое-что. – Фериус сняла с колоды одну карту и зажала ее между двумя пальцами. – Видишь точку на двери, вон там?

Не успел я ответить, как она шевельнула запястьем, и кар-

та взмыла в воздух, попав точно в цель, – а потом неслышно упала на пол.

– Как ты это сделала? – изумленно спросил я.

Фериус протянула мне карту и показала, как ее держать, расположив между большим и указательным пальцами.

– Все дело в запястье.

Я метнул карту. Она упала в нескольких дюймах от моих ног.

– Еще раз, – сказала Фериус, протягивая мне следующую.

– Зачем это нужно? Это не похоже…

– Просто кинь карту.

Я повиновался, и на этот раз она пролетела немного дальше, может, пару футов, прежде чем шлепнуться на пол. С третьей вышло получше. А четвертая стукнулась о дверь. К тому времени как мы использовали всю колоду, я уже без труда попадал в цель. Ну, хоть в чем-то я хорош.

Трудно описать словами то чувство душевного подъема, которое я испытал. Может быть, потому что за последние несколько недель я не преуспел вообще ни в чем. Или, может, потому что я едва не умер и до сих пор не мог прийти в себя. Как бы там ни было – я улыбался. Глупой широкой улыбкой.

– Приятное чувство, да? – спросила Фериус.

Я метнул карту в дверной косяк. Теперь я мог прицелиться и кинуть карту так, чтобы она попала точно в цель.

– Да, ничего так, – сказал я, стараясь скрыть щенячий вос-

торг. – Хотя, конечно, не похоже на реальную магию.

Фериус приподняла бровь.

– Не похоже? Малыш, карты – это и есть магия, уж поверь. С их помощью я могу творить заклинания.

– Например, какие?

Она привалилась спиной к стене и полезла в карман за очередной курительной соломинкой.

– Например? Ну, скажем, я могу переместить деньги из чужого кармана в свой.

– Как?… – Тут я понял, что речь об азартных играх, а не о настоящей магии. – Ну да, конечно.

Я отвернулся и запустил в дверь очередной картой.

– Ну да, конечно! – передразнила Фериус и подмигнула мне. Отчего-то я почувствовал себя глупо. – Ты – джен-теп. Ты не узнаешь настоящую магию, даже если она врежет тебе по лицу.

И тут дверь открылась. Я слишком поздно услышал звук шагов, и карта, которой я метил в дверь, вырвалась из моей руки прежде, чем я успел остановиться. Миг спустя она ударила отца промеж глаз.

* * *

Отец рефлекторно сделал магический жест для огненного заклинания. Я мгновенно отшатнулся назад, закрывая лицо руками. Карты рассыпались по полу. Впрочем, огненный

шар, похоже, так и не испепелил меня. Я осторожно открыл глаза и увидел, что в дверях стоят родители. Отец выглядел скорее разочарованным, чем сердитым.

Мать тут же заметила, что в комнате я не один.

– Леди Фериус, я не знала, что вы вернулись. Могу я…

– Без «леди», – перебила Фериус.

– Прошу прощения?

– Я не… – Тут Фериус махнула рукой и докончила. – Ладно, неважно.

Я понятия не имел, как выглядят леди в Дароме. Одно мог сказать наверняка: у Фериус нет ничего общего с моей матерью. Черты лица Фериус могли быть по-женски привлекательными, если б она одевалась и вела себя… ну, как женщина. Но все в ней было каким-то резким и угловатым. Будто ее сотворил какой-то бог-насмешник – специально для того, чтобы она ухмылялась, отпускала острые словечки и являлась в чужие дома без приглашения.

А вот моя мать… Она словно сошла с картины, изображающей трех богинь любви, – оставив двух других смущаться и краснеть. У нее были прямые светлые волосы – такие же, как у Шеллы, но более яркого насыщенного цвета, словно подсвеченные снизу теплым огнем. Мать редко носила дорогие наряды, но и в своем простом платье до щиколоток, из белого муслина, она неизменно притягивала взгляды мужчин нашего города. Даже подростков вроде моих одноклассников.

Отец посмотрел в открытое окно, а потом – на Фериус.

Опустив руку в карман, он достал небольшой мешочек из голубого шелка.

– Я собирался разыскать тебя позже. Но раз уж ты здесь – хочу отплатить за службу моей семье.

– Службу? В смысле, за то, что я дразнила этого старикана – Ра… Ра-ме… Ну и странные же у вас имена! Никогда не могла запомнить. В любом случае забудьте об этом.

По лицу отца скользнуло раздражение.

– С Ра-метом и его сыновьями я бы разобрался сам. Но ты помогла Келлену, когда его жизни угрожала опасность.

– Ну, в таком случае мне должен мальчик, а не вы, мистер Ке-хеопс.

Отец стиснул зубы. Фериус дала отцу понять, что некое дело, касающееся члена его семьи, не касается его самого. Подобное отец стерпеть не мог. Обстановка начинала стремительно накаляться.

– Господин, – сказал отец.

– Простите?

– К джен-теп в моем статусе следует обращаться «господин».

Фериус пожала плечами.

– Мой жизненный принцип – не называть ни одного мужчину «господином». Так что предлагаю притвориться, будто мы приятели, и я стану звать вас просто Ке-хеопс.

– А тебя мне следует называть Фериус Перфекс? – Отец встряхнул шелковым мешочком. Внутри звякнули монеты. –

Или ты будешь откликаться на Фериус аргоси? Ведь так называют людей твоего сорта, да?

Я переводил взгляд с отца на Фериус.

– Что происходит?

– Эта женщина – аргоси, – ответил он.

– И что это значит?

Фериус взяла у отца деньги.

– Я бы сказала: не все у вас тут толком разбираются, что к чему.

Отец кивнул на мешочек, который Фериус засовывала в карман.

– Полагаю, я отлично понял, что к чему.

– Если негде остановиться в городе, – вступила мать, – можешь пожить тут, у нас… – К концу фразы голос ее стал тихим, приобретя своеобразную интонацию. Так что даже я понял смысл.

– Не беспокойтесь, мэм, – отозвалась Фериус. – Дом у вас уж больно приличный для меня. – Она поднялась и, обогнув родителей, направилась к выходу. – И еда переперченная.

Фериус вдруг резко ударила кулаком по двери. С противоположной стороны послышался испуганный вскрик Шеллы:

– Ой!

Фериус издала короткий смешок и покачала головой; ее рыжие кудри вздрогнули – словно они тоже посмеивались.

– Джен-теп! Вы не перестаете меня изумлять. – Обернувшись, Фериус бросила на меня взгляд. – А карты оставь себе,

малыш. Пригодятся.

С этими словами она открыла дверь и вышла, оставив меня наедине с родителями.

Мать подошла и положила руку мне на лоб.

– Я здоров, матушка, – сказал я.

– Надо же! Ты успел стать целителем? Если нет, позволь мне судить. – Мама легонько обвела пальцем мой левый глаз. Так она всегда делала, когда я дурно себя чувствовал. Ее способ выразить ласку.

Отец вернулся к двери, поднял карту, которой я угодил ему в лоб, а потом собрал и остальные, разбросанные по полу. Положил колоду на столик.

– Утром отправишь слугу, чтобы вернул карты дароменке.

– Но она сказала: я могу оставить их себе.

Отец присел на краешек стола возле канапе. Необычно для него.

– Келлен, люди Дома Ке не занимаются карточными играми. Как и азартными играми вообще. И не жульничают во время состязаний.

– Я победил Тенната, – сказал я. Не стоило перечить отцу, но усталость и тот странный душевный подъем, который я ощущал до сих пор, заставляли язык бежать вперед мыслей. – Так ли важно, как я это сделал?

– Трюки. Обман. Мошенничество. Ты вечно мухлюешь, Келлен. Но трюками ты не обеспечишь безопасность своей семье.

Высокомерные слова отца внезапно разозлили меня. Конечно, легко быть гордым, когда умеешь творить магию! Но разве я виноват, что мои татуировки не желают светиться? Разве я виноват, что во мне так мало силы? Я даже магический фонарь не могу зажечь! С самого детства мне приходилось искать обходные пути, а не переть напролом, как делала Шелла. И мои родители.

– Трюки – это все, что у меня есть, – сказал я.

Отец обернулся к матери.

– А он умен. Свой ум мальчик умеет использовать.

Он произнес слово «ум», словно это было что-то неприятное – вроде дурного характера или болезни. Подойдя к письменному столу, отец взял небольшой магический светильник. Вроде того, какие используют дети, чтобы тренировать концентрацию. Протянул его мне.

– Джен-теп должны быть сильными.

Я взял шар в ладони. Он ярко светился, но когда мать и отец направились к двери, сияние померкло. Не просто стало тусклее – исчезло. Я сосредоточился, пытаясь заставить его вновь засветиться. Тщетно.

«Давай же! – говорил я себе. – Ты делал это тысячу раз!»

Ничего. Свет словно бы умер. В голове снова зазвучал холодный голос Ра-мета: «Ты окажешься среди ше-теп, где тебе самое место».

– Джен-теп должны быть сильными, – повторил отец, выходя их комнаты.

Я поднял взгляд и понял, что он говорит не со мной. Он говорил сам с собой – как делают люди, готовясь к чему-то, что будет очень трудно или очень больно.

До моего шестнадцатого дня рождения оставалось совсем немного. И впервые в жизни я по-настоящему испугался собственного отца.

Глава 8
Абидос

Большую часть дня я провел в своей комнате, то засыпая, то просыпаясь, а в промежутках между сном и явью – глядя на шарик, который по-прежнему держал в руках. Мне удалось выдавить из него слабенькое мерцание, не ярче огня свечи. В конце концов я просто швырнул шар об стену. Он даже не соизволил разбиться. Еще одна проверка – и снова мимо. Никто не принесет мне на блюдечке золотой диск – символ пройденного испытания.

Так я и лежал в постели, держа руки перед собой – мечтая, чтобы узоры на шести татуировках наконец-то озарились светом, заискрились, означая, что теперь мне подвластны заклинания. Это было нечестно! Всю жизнь я делал то, что должен делать посвященный джен-теп. Я заучивал идеальное произношение каждого заклинания, совершенствовался в каждом жесте. Я мог с идеальной ясностью держать в голове образ любого заклятия – даже если вокруг меня грохотала и бушевала буря. Но все это не имело значения. Татуировки не светились…

Я ощущал обиду и разочарование. В отчаянии я царапал татуировки ногтями, раздирая кожу до крови, – пусть и знал, что от этого не будет толку. Так их не оживить. Нужна магия. Нужна сила. А их-то у меня и не было.

Я вцепился зубами в одеяло, боясь, что отец или мать – или, хуже того, Шелла – услышат, как я плачу. Я ненавидел весь мир, понимая, что однажды придется смириться и принять ту судьбу, которая мне уготована. Я стану ше-теп. Клерком или слугой. Хотя ни покорность, ни раболепие никогда не были моими сильными сторонами…

Нужно что-то придумать!

Отец назвал меня лжецом и мошенником. Ладно! Если только это я умею, значит, буду лгать и мошенничать, чтобы заполучить магию. Раз нет другого пути, я пойду этим. У нас есть легенды о медеках, которые воровали магию у богов или духов. Они пили колдовские зелья и проводили тайные ритуалы, чтобы заполучить могучие заклинания. Конечно, в этих историях медеки были ворами, а не героями. Что ж, стало быть, я стану первым героем.

Стук в дверь вернул меня с небес на землю.

– Да, – сказал я. Мне не хотелось никого видеть. Но и демонстрировать это я не собирался.

Свет в комнате не горел, и я не сразу рассмотрел вошедшего. Тень в дверях превратилась в человека с подносом в руках, и я узнал Абидоса.

«Дядю Абидоса», – напомнил я себе.

– Ты весь день ничего не ел, – тихо сказал он.

Странно, что он принес мне еду. В нашем доме существовали на этот счет строгие правила: есть полагается в кругу семьи. Если я или Шелла не желали выходить из комнаты, то

просто оставались без обеда. Прошлой ночью, когда я болел, у меня еще была уважительная причина. Но сегодня?…

– Отец знает, что ты принес мне ужин в комнату?

Абидос вошел и поставил поднос на столик в углу. Сел на стул – который был маловат даже для меня, а уж дядя и вовсе казался на нем гигантом. Абидос снял крышку с подноса. На тарелке лежал кусок жареного ягненка, и запах от него шел просто невероятный.

– Все уже поужинали, господин Келлен. А это моя порция, я могу съесть ее, где пожелаю.

– И ты собираешься есть в моей комнате.

– Если вы не возражаете.

Я поднялся с кровати. Одежда, которую я так и не удосужился сменить со вчерашнего дня, казалась заскорузлой и неприятно царапала кожу. Я присел за столик и заметил, что Абидос принес большую порцию мяса – слишком уж большую для одного человека. Вдобавок…

– Кажется, ты прихватил два набора ножей и вилок.

– Хм-м? – Абидос посмотрел на лишние столовые приборы с насмешливым удивлением. – И правда. Как странно. – Он оглядел тарелку с ягненком. – Да и мяса, кажется, взял больше, чем смогу съесть. Может быть, вы…

Я взял нож и вилку и улыбнулся Абидосу. Не то чтобы я в самом деле испытывал радость. Но даже притворное счастье – все же лучше, чем сидеть одному в комнате, пялясь на черный магический шар.

Сперва мы ели в молчании. Мы с Абидосом никогда не проводили много времени вместе. И он всегда казался мне простым и незамысловатым человеком – полной противоположностью моему отцу. Однако сейчас, когда я наблюдал, как он ест – аккуратно и неторопливо, – я находил все больше схожих черт. Абидос был всего на пару лет младше отца и походил на него внешне – те же темные волосы, такое же крепкое сложение. Однако дядю не окружала эта атмосфера властности, как отца. Он выглядел так, как мог бы выглядеть какой-нибудь дароменский фермер или солдат-берабеск. Невзрачный. Ничем не примечательный. Обыкновенный. Или он просто кажется мне таким, потому что не владеет магией?…

– Ты всегда знал, что станешь ше-теп? – спросил я, понимая, что вопрос очень грубый, – но отчаянно желая услышать ответ.

Дядя, если и обиделся, не показал этого.

– Думаю, да, – сказал он, глядя в пространство. – Я даже в детстве едва был способен творить заклинания. Большинство из нас что-то да могут, особенно рядом с оазисом. Но ко времени получения имени мага моя сила окончательно исчезла.

Именно это происходит сейчас со мной! Я ощутил, как меня охватывает паника. Словно все мое существо вопило о помощи. Это неправильно! Я был рожден, чтобы стать магом. Как отец, и мать, и Шелла! А не каким-то бесполезным

ше-теп…»

Абидос смотрел на меня. Его взгляд был мягким, спокойным. Ужас и гнев улеглись, когда я почувствовал укол совести. Но где-то внутри меня по-прежнему таилось отчаяние.

– Когда магия начала угасать… ты… ты как-нибудь пытался с этим бороться?

Абидос поднял руки. Цветные узоры давно поблекли, но были еще видны.

– Я сидел и смотрел на них часами, пытаясь призвать силу. Молил предков зажечь мои татуировки. – Он провел кончиком ногтя по предплечью. – Я даже пытался… У мальчишек иногда бывают глупые мысли. – Абидос покачал головой и вернулся к еде.

– Расскажи мне, – сказал я.

Выражение его лица чуть заметно изменилось. Я осознал, как выгляжу со стороны, как разговариваю с ним – словно приказываю.

– То есть… я слышал… другие посвященные говорили, что можно зажечь сигиллы при помощи сернистой меди и…

Абидос проглотил кусок ягненка, положил нож и вилку на стол и улыбнулся.

– А, да. Сказки об эликсирах, сваренных из металлов, – тех, что добывают под оазисом. Особые зелья, в которые могут вложить энергию три молодых мага. Они работают сообща, благородно жертвуя частью собственной силы… Келлен, ты можешь представить, чтобы кто-нибудь из твоих прияте-

лей пошел на такое?

– Почему не… – Вопрос застыл у меня на губах. Я уже знал ответ. Магия была самым ценным имуществом моего народа. Кто захотел бы отдать часть этой силы? И все же… это какой-никакой план. У Панакси огромный потенциал. Может, он согласился бы отдать немного мне?… Или моя сестра – если б ей стало стыдно… если б я сумел как следует надавить ей на жалость. Или воззвать к ее гордости.

«Ну, Шелла, ты и так сильная! Ты обладаешь сильной магией, она мощнее, чем у всего нашего клана, вместе взятого, правда же?»

Конечно, шансов мало. Но, как я узнал вчера от Фериус, когда она учила меня странной игре под названием «Покер», иногда приходится играть теми картами, которые тебе выпали.

– Нет, – сказал Абидос, возвращая меня к реальности. – Я видел такой взгляд на лицах многих посвященных. Только, видишь ли… Да, есть легенды о магах, которые обращались к темной стороне и там обретали силу. Но на каждую такую легенду есть сотни правдивых историй о тех, кто погиб, пытаясь это сделать. Такова цена, которую мы платим, желая обрести больше могущества, чем предки готовы нам дать.

Мне вдруг вспомнились слова отца, сказанные прошлой ночью.

– Так случилось с моей бабушкой? – спросил я. – У нее правда была Черная Тень?

Думаю, такой вопрос шокировал бы любого, но Абидос остался невозмутим. Он промедлил лишь секунду, прежде чем ответить.

– Она была больна, – проговорил он почти рассеянно. Поднеся указательный палец к лицу, Абидос начертил на щеке контур какой-то фигуры. – У нее появились черные отметины, которые росли и росли – так же, как в ее душе росла тьма.

– Я не понимаю. Какая тьма? О чем ты?

Абидос откинулся на спинку стула, и я увидел, как у него на переносице появились морщинки.

– Тьма, которая, казалась, овладела ею… Уродство души, изменившее ее. Она стала совсем другим человеком. Та женщина, которую я знал ребенком, исчезла без следа. В конце концов твоему отцу пришлось… остановить ее.

И снова слова отца зазвучали в моей голове: «Мое право и моя обязанность – защищать семью и клан от порченной крови». Тогда речь шла о Шелле, и он прибавил: «Я свяжу ее навеки, если придется».

– Я не понимаю, – повторил я. – Моя мать целительница. Почему она не…

– От этой болезни не существует лекарства. Если правда то, что говорят маги, Черная Тень – проклятие, наложенное на нас медеками. Они сделали это незадолго до того, как мы уничтожили их всех. И если так, едва ли наша магия способна справиться с этой заразой. Мы можем лишь выжечь ин-

фекцию до того, как она распространится.

Абидос положил руку мне на плечо – странный жест, необычный для него.

– Но не думай так много о прошлом. В настоящем тоже хватает опасностей.

Я вспомнил о Ра-мете и его сыновьях. Могли бы они убить отца, если б не вмешалась Фериус? Я посмотрел на Абидоса.

– Ра-мет угрожает нашей семье?

Дядя снова принялся за еду.

– Нет, если твой отец станет Верховным магом клана.

– А он станет? У Дома Ра много сторонников. Что, если…

Абидос как раз подносил ко рту вилку с насаженным на нее куском мяса. Он остановился и посмотрел на меня, приподняв бровь.

– Случалось ли хоть раз, чтобы твой отец в чем-то не преуспел?

Он был по-своему прав. С другой стороны, едва ли Абидос что-то смыслил в политике джен-теп. Я пытался придумать, как бы повежливее указать ему на это, когда дверь снова открылась и вошла Шелла.

Следовало ожидать, что она заявится. Прошли почти сутки, и, несомненно, она думала, что я сменю гнев на милость, что бы она там ни сделала.

– Слушай, Келлен, я знаю, что ты на меня злишься, но я…

Только теперь она заметила дядю, сидящего за моим столом.

– А ты что здесь делаешь, Абидос?

– Убирайся, Шелла, – сказал я.

Абидос укоризненно посмотрел на меня. В другое время сама идея, что меня порицает ше-теп, показалась бы нелепой. Но не исключено, что через несколько недель он станет моим начальником. Что перед ним мне придется отчитываться и выполнять его поручения. Абидос сжал мое плечо и ободряюще улыбнулся. Улыбка была искренней и теплой. Может быть, более теплой, чем улыбки моих собственных родителей.

– Я как раз ухожу, госпожа Шелла, – сказал Абидос. Он поднялся и взял было поднос с ягненком, но потом снова поставил на стол. – Прошу простить, господин Келлен, но у меня есть неотложные дела. Не будете ли вы возражать, если я оставлю свой ужин здесь еще на какое-то время?

Не дожидаясь ответа, он поднялся и пошел к двери.

– Спасибо тебе, Аб… Спасибо, дядя, – сказал я.

Абидос обернулся и снова улыбнулся мне. Но в глазах его я увидел печаль.

* * *

– Дядя?! – недоверчиво переспросила Шелла, расположилась на стуле, который только что освободил Абидос.

– Что тебе надо?

– Я… – Последовала довольно-таки длинная пауза. – Я

просто хотела узнать, все ли с тобой в порядке.

И почему люди задают вот такие вопросы? «Я вижу, у тебя рука отвалилась. С тобой все в порядке?» «О, привет. Говорят, вся твоя семья погибла при пожаре. У тебя все в порядке?»

Моя магия угасает, и через пару недель я могу сделаться ше-теп. Едва ли с этих пор Шелла будет выказывать мне больше уважения, чем нашему дяде.

«Нет, Шелла, у меня не все в порядке. И никогда не будет. По твоей милости, дорогая сестренка».

Если бы дело происходило лет пять тому назад, я бы взял поднос и вывалил содержимое сестрице на голову. Если б это было вчера, я бы наорал на нее, крик стоял бы до небес, пока я объяснял ей, как лихо и ловко она разрушила мою жизнь. Но сегодня было сегодня, и я изменился. Я стал задумываться о будущем.

– А разве тебе не надо готовиться к собственным испытаниям? – спросил я, надеясь сменить тему.

Шелла разжала кулак и показала золотой диск.

– Поединок был сегодня утром. Я едва не послала старого дурака Осья-феста подальше, когда он поставил против меня Инерис. Да она самая слабая ученица в нашем потоке!

«Нет, теперь уже не самая слабая», – горько подумал я и перехватил взгляд Шеллы. Она смотрела на меня как на калеку.

– Я в порядке. Спасибо, что спросила.

Она открыла рот, но ничего не сказала. Я подождал пару секунд, надеясь, что появится какой-нибудь жук и влетит ей в глотку. Наконец Шелла проговорила:

– Ты в порядке?

Я кивнул и похлопал себя по левой стороне груди.

– Сердце бьется, как и должно.

На самом деле я не знал, так ли это. Возможно, оно билось в обратную сторону. Или еще что-нибудь в этом роде. Я поднялся, открыл платяной шкаф и принялся рыться в нем в поисках свежей рубашки.

– Правда, Шелла. У меня все отлично, но есть некоторые важные дела. Так что если ты не возражаешь…

– Твоя магия угасает, Келлен. Скоро она исчезнет совсем. И ты говоришь, что у тебя все отлично?

Я не ответил. Она пыталась навязать мне бой. В мире Шеллы бой – это возможность показать, как она сильна. Поединок воли, который она выиграет, а потом великодушно объявит, что конфликт исчерпан. Боль и гнев можно позабыть. Шелла была моей сестрой и входила в число трех людей, которых я любил сильнее всех на свете, но я не хотел просто «подраться и забыть». Я знал, как нужна мне помощь сестры, и все же сейчас не мог даже смотреть на нее.

Я поменял свою вчерашнюю пропыленную рубашку на другую – из темно-серого льна; она подходила и к вечернему небу, и к моему настроению.

– И что за такие важные дела у тебя сегодня вечером? –

спросила она, лениво ковыряя вилкой мою еду. – Они, случайно, не связаны с серой мышкой, которая сегодня приходила и спрашивала о тебе?

– Серой мышкой?

– Ну, той нескладной девчонкой из твоего класса. С таким остреньким личиком. Нефи… Ниф…

– Нифения? – переспросил я. – Она вовсе не нескладная! Она самая… – Я осекся, увидев самодовольное выражение на лице Шеллы. Нет уж, я не дам ей еще один повод надо мной потешаться. Я отвернулся, и взгляд упал на колоду карт, лежавшую на прикроватном столике. Я подошел и взял колоду, чувствуя, как карты мягко скользнули в мою ладонь.

– Мне надо идти. Отец сказал, что я должен вернуть это Фериус Перфекс. Немедленно.

Шелла оставила в покое еду и обернулась ко мне; ее лицо вдруг стало очень серьезным.

– Нет, он велел послать слугу. Тебе надо держаться подальше от этой женщины, Келлен. Люди говорят, что она шпионка дароменского короля. Пришла, чтобы повлиять на выборы следующего Верховного мага клана.

– Им станет отец, – машинально сказал я.

– Разумеется, им станет отец. Так почему же эта Фериус здесь до сих пор? Чего она хочет?

– Не знаю, – ответил я, сунув колоду в карман рубашки. – Спрошу ее, когда увижу.

Я уже собирался открыть дверь, когда она открылась са-

ма. На пороге стоял отец. Его высокая фигура, освещенная лампами в коридоре, отбрасывала длинную тень. Отец протянул руку. Он держал свернутый в трубку пергамент, запечатанный черным воском.

«Указ! – понял я, внезапно ослабев от страха. – Ра-мет нажаловался на меня Совету и вынудил их…»

– Тебя вызывают, – сказал отец.

По его голосу я не мог понять, что он чувствует. Сопереживает ли мне или, наоборот, злится, что я навлек позор на наш дом.

– Открой его, Келлен, – сказал он. – Снаружи ждет стражник из дворца.

Я взял свиток. Руки дрожали. Он показался очень тяжелым, а когда я развернул его, что-то вывалилось и упало на пол. Я опустил взгляд и увидел, что свет ламп отражается от маленького золотого диска. Точно такой же получила Шелла за победу в своем поединке.

– Я не понимаю… – пробормотал я, поднимая диск с пола.

Шелла взяла у меня диск и сравнила со своим. Они были совершенно одинаковые.

– Что там написано? – спросила она.

Я начал разворачивать свиток и лишь теперь заметил символ, выдавленный в черном воске: звезда, поднимающаяся над волнами.

– Это ведь знак Верховного мага клана, – проговорил я, оборачиваясь к отцу. – Но… он мертв. Как же…

Глаза отца сузились, рассматривая печать. Он словно пытался понять, не поддельная ли она.

– Верховный маг клана мертв, но есть еще один человек, который может использовать этот знак.

– Вдовствующая княгиня! – выдохнула Шелла. – Но она давно уже не показывается на людях.

Никто из нас не знал ответа. Вдова почившего Верховного мага клана не покидала дворец много лет. Мы с Шеллой никогда не видели ее – только статую возле дворцовых ворот, носивших ее имя. Я развернул свиток. Внутри была одна-единственная фраза: «У меня есть к тебе вопросы».

Я посмотрел на отца, на свиток в правой руке, на золотой диск в левой.

– Что мне делать?

Казалось, отец и сам не уверен.

– У тебя нет выбора. Она – вдова Верховного мага клана. Никто не смеет ей перечить.

Глава 9
Вдова

До сих пор я никогда не входил в дворцовые ворота. Дворцовый комплекс занимал огромное пространство. За стенами начиналась колоннада – огромные колонны, вздымающиеся на двадцать футов над ровной покрытой песком площадкой. В центре стоял сам дворец – семиугольное здание со стенами, чуть наклоненными внутрь, отчего крыша была немного меньше основания. С крыши по-прежнему били в небо семь бледных лучей – напоминание, что Верховный маг клана мертв, и настали опасные времена.

Сопровождающий меня стражник – тот самый, который принес указ, – миновал дворец и пошел дальше, в густой сад, раскинувшийся за ним. Здесь было темно и безлюдно, и я почувствовал себя очень маленьким и одиноким.

Почему родителям не разрешили пойти со мной? Тут, среди теней, – просто идеальное место, чтобы убить кого-нибудь.

Сейчас, пока продолжаются выборы нового Верховного мага клана, Совет наверняка запретил любую вражду, но так ли уж Ра-мет боится суда? И сколько стоит подкупить одного стражника, чтобы он устранил сына твоего оппонента?

Я покосился на своего спутника. Тот держал руки вдоль тела. Указательный палец и мизинец каждой руки слегка со-

прикасаются. «Несущий горе, – подумал я. – Маг, специализирующийся на железе и крови». Если б я попытался бежать или напасть на него, он вмиг парализовал бы меня. Стражник поднял руку, и я вздрогнул.

– Она ожидает тебя внутри, – сказал он.

Я посмотрел в глубь сада, где стояли ряды ярко цветущих деревьев и темнели небольшие прямоугольные прудики. Там же стояли деревянные опоры, похожие на худые танцующие фигуры с множеством рук. На каждой «руке» стоял горшок с пышными цветами – розовыми и золотисто-желтыми.

– Я вижу только…

На лице стражника мелькнуло раздражение.

– Вон там, – сказал он, указав более четко.

В глубине сада я наконец разглядел маленькую темную хижину, спрятанную среди листвы. Едва ли десять футов вместе с крышей, а стены – чуть выше человеческого роста.

– Вдова там? – недоверчиво спросил я.

Стражник не ответил. Он просто стоял, указывая на домик и ожидая, когда я двинусь к нему.

Что ж, вдове Верховного мага клана нельзя перечить.

* * *

Поскольку я никогда не бывал внутри дворцового комплекса, то ожидал увидеть тут все, что угодно. Все – только не ветхую хижину, выглядевшей как жилище ше-теп. Необ-

работанные бревна поддерживали углы крыши, а стены состояли из грубых деревянных блоков. Крыша была чуть скошена – видимо, чтобы не скапливалась дождевая вода. Внутри, впрочем, оказалось чисто и прибрано. Если бы хижина была человеком, я бы сказал, что он поддерживает себя в хорошей форме, но уже очень стар и устал от жизни. Единственная обитательница домика производила такое же впечатление.

– Сын Дома Ке не очень-то почтителен, да? – сказала она.

Вдовствующая княгиня сидела на единственном в домике стуле, держа в руках книгу. Она была с головы до ног одета в черное, и ее одежда, казалось, состоит из единственного длинного куска шелка, который вдова обернула вокруг тела и рук, перевязав тут и там синими шнурами, чтобы не сваливалась. Что-то вроде балахона, какие надевают могильщики во время похорон. Открыты были только лицо и кисти рук – и то, что я увидел, смутило и удивило меня.

– Простите… пожалуйста, – промямлил я, спотыкаясь на каждом слове. Вдобавок я осознал, что понятия не имею, как к ней обращаться. – М-м… миледи?

– Ты можешь называть меня вдовствующей княгиней. Но только если закроешь дверь, прежде чем я замерзну насмерть.

Я быстро захлопнул за собой дверь, стараясь не поворачиваться к княгине спиной. Это было непочтительно – уж насколько-то я знал этикет.

В первый миг вдова показалась ровесницей моей матери, но по мере того, как единственный магический фонарь, висящий под потолком, качался туда-сюда, ее лицо словно менялось. Я мог поклясться, что ей за семьдесят, а через секунду – что она еще сравнительно молода.

– Жутковато, а? – спросила она.

Я понял, что непочтительно пялюсь на нее, и проклял себя.

– Что, миледи?… Я хотел сказать: вдовствующая княгиня?

Она поднялась на ноги и скрестила руки на груди.

– Смотреть на того, кто давно пережил свою смерть.

Женщина глубоко вздохнула, и ее черты опять изменились, разгладились. Теперь она снова казалась моложе.

А я понятия не имел, что ей ответить.

– Вы выглядите…

Она улыбнулась.

– Красивой?

Я не употребил бы это слово, но сейчас было не до того: я слишком нервничал, чтобы оценивать ее внешность.

– Да, вдовствующая княгиня.

Она издала усталый смешок. Ее лицо не изменилось, но теперь она снова казалась старой.

– Я избавлю тебя от этой неловкости, Келлен, сын Кехеопса. – Она развела руки в стороны, и я увидел сполохи энергии, змеящиеся вокруг нее, мерцающие под черной шел-

ковой одеждой, подсвечивая ее кожу изнутри. – Мне около трех сотен лет. И жизнь во мне поддерживается лишь магией и волей. О том, что подумает обо мне бессердечный мальчик, я перестала беспокоиться лет этак двести восемьдесят назад.

Думаю, в глубине души я ожидал чего-то подобного. Почивший Верховный маг клана был тем самым человеком, который сражался с медеками и победил их – примерно три века назад. У них с женой не было наследника; вот почему сейчас предстояли выборы нового Верховного мага клана – первые за очень-очень долгий срок. Я понял, что не дышу, а просто смотрю на нее во все глаза. Одно дело слышать о таком, и совсем другое – видеть воочию.

– Как же вы…

– Остаюсь на земле, избегая сомнительной чести отправиться в Серую Пустошь?

Она отложила книгу и подняла руку. Щупальца магической энергии обвивали ее пальцы.

– Заклинания, чтобы эти старые кости не развалились. Заклинания, чтобы кровь бежала по венам. Заклинания, чтобы ум оставался острым… Ну, я так думаю, идея понятна.

Количество магии, потребной для этого – не говоря уж о владении заклятиями, заставляющими ее работать, – все это ошеломляло.

– Обладая таким могуществом, почему вы…

– Не могу сохранить вечную молодость? – Она снова села на стул. – Некоторые вещи нельзя получить даже со всей

магией мира.

Я покачал головой.

– Простите… но я хотел спросить, почему вы не возглавили клан?

Женщина посмотрела на меня со стула – снизу вверх, приподняла бровь и проговорила:

– Подойди.

Я повиновался. Она взяла мою руку и поцеловала.

– Спасибо, Келлен. В эти дни меня так редко может что-нибудь удивить. Самая тяжкая цена за долгую жизнь: люди становятся предсказуемыми. Даже не требуется задавать им вопросы, потому что ответы слишком легко просчитываются. С этого момента можешь называть меня Мере-сан.

Я убрал руку, ощущая неловкость от этого странного, почти интимного жеста.

– Так вы за этим позвали меня, Мере-сан? Чтобы задавать вопросы?

– А что? У тебя есть какие-нибудь ответы?

– На некоторые вещи, – ответил я, а потом подумал секундочку. – Но возможно не на все, что вас интересует.

Она снова улыбнулась.

– Хорошо. Умно. Я люблю умных людей.

Вдова поднялась и встала рядом со мной. Теперь она выглядела гораздо моложе – лет на тридцать – и казалась очень красивой. Я задумался, правда ли ей так безразлична внешность, как она уверяет.

– У меня много вопросов, Келлен. Не на все можно ответить, конечно, но я надеюсь, что вдвоем мы с этим управимся. – Она склонила голову набок. – Ты ведь проходишь магические испытания, верно? Проверим-ка, насколько остер твой разум. Задай мне вопрос.

Сотни вопросов закружились в голове. Зачем она меня позвала? Почему она живет в этой хибаре в саду, а не во дворце? Зачем она дала мне золотой диск, позволяющий продолжать испытания? Вопросы, на которые мне очень хотелось получить ответ. Но ни один из них, – подозревал я, – ее не занимает. И она не станет отвечать. Она хотела знать: смогу ли я догадаться, чего она ждет от меня.

Я взвесил все, что увидел. Она не захотела жить во дворце. Не попыталась захватить власть. Значит, ее не очень-то волнуют хитросплетения клановой политики. Десятки лет ее не трогали повседневные людские дела, и вдруг она заинтересовалась такой мелочью, как испытания посвященных. Причем выбрала меня. Почему? Не потому ли, что мой отец скорее всего станет новым Верховным магом клана? Были и другие претенденты, включая Ра-мета. Она говорила с ним? Или с Теннатом? Судя по этой хижине, у нее давно уже не было никаких гостей.

– Давай же, – сказала вдова. В ее голосе послышалось нетерпение.

Она нервничает. Ей не все равно. Тут должно быть что-то еще… Нечто, обеспокоившее человека, который давно уже

потерял интерес и к жизни, и к смерти. Что-то новое. Такое, на что не может ответить ее собственная магия. Я прикинул возможности и варианты – и доверился интуиции.

– Только один вопрос интересует вас, Мере-сан. И на него я сам не знаю ответа.

– Правда? Я ученая женщина, Келлен. Какая же загадка, по-твоему, так сильно меня занимает.

– Кто такая Фериус Перфекс.

На долгое время воцарилась тишина. А потом Мере-сан слегка кивнула.

– Хорошая работа, Келлен, сын Ке-хеопса. Ты заслужил свой золотой диск.

* * *

Мере-сан подошла к котлу, стоявшему на небольшой полке.

– Я бы предложила тебе поесть или попить, но, боюсь, от пищи, которую я употребляю в этом возрасте, тебе сделается плохо.

Она налила что-то густое и вязкое в голубой стакан, сделала глоток и поверх стакана посмотрела на меня.

– Аргоси показывала тебе свои карты?

Я рефлекторно прикоснулся к карману, где лежала колода. Мере-сан заметила движение и протянула руку.

– Дай их мне.

Я повиновался. Она разложила карты на деревянном столе – картинками вверх. Глаза женщины сузились.

– Это не настоящая ее колода.

– Но это ее колода, – уверил я. – Она сама дала мне ее вчера.

Мере-сан собрала карты и протянула их мне.

– Да, это колода карт, и она наверняка принадлежит той женщине, Фериус. Но это уж, конечно, не ее карты аргоси.

– Кто такие эти аргоси? Кто-то вроде дароменов или берабесков?

– Аргоси – не народ, – отозвалась Мере-сан, сделав еще глоток из своего стакана. – Они, скорее, что-то вроде… сборища отщепенцев. Бродят по свету, берясь за что угодно, чтобы подзаработать денег.

Я посмотрел на колоду и вспомнил шутку Фериус – о том, как использовать магию карт, чтобы вынимать деньги из чужих карманов.

– Они игроки?

– Да… но это, я полагаю, что-то вроде ширмы. На самом деле можно считать их… – Она подняла глаза, подыскивая правильное слово.

– Картографами? – предположил я.

Мере-сан, казалось, удивилась, но потом издала короткий смешок.

– Так она себя назвала? – Вдова не ждала ответа. – Полагаю, «картограф» такое же хорошее описание, как и любое

другое. Только аргоси составляют не карты местности, а скорее… человеческих культур. – Она похлопала по колоде в моей руке. – Ты понимаешь значение мастей?

Я кивнул:

– Щиты – это даромены, заклятия – это джен-теп, чаши…

– Берабески, да. Но посмотри повнимательнее на картинки, и ты увидишь, что они символизируют какую-то важную часть общества. Аргоси называют это «конкордансами».

Я порылся среди карт, выбрав одну из картинок масти заклятий, и понял, что она изображает лорд-мага. На другой карте, масти щитов, был нарисован мужчина в доспехе и длинном красном плаще, ниспадавшем с его плеч. Эта карта называлась «Генерал армий». Туз заклятий представлял собой изображение Оазиса, а туз щитов – какое-то осадное орудие, дробившее огромную каменную стену.

– Таким образом, каждая масть показывает основные явления культуры и истории общества.

– У Фериус были и другие, – сказал я, припоминая карты, которые она спрятала в карман. – Она называла их «дискордансы».

Мере-сан кивнула.

– Это своего рода козыри. Аргоси путешествуют, чтобы стать свидетелями великих событий, способных изменить мир вокруг нас. Они наблюдают за теми людьми и теми силами, которые могут создать и разрушить цивилизации. Аргоси рисуют эти новые карты – дискордансы – полагая, что,

создав правдивую колоду, они могут постичь ход истории.

В этом была какая-то странная логика. Если у тебя есть колода, которая идеально отражает людей и события, формирующие культуру, ты можешь понять, куда движется общество…

– Поэтому Фериус здесь? Потому что Верховный маг клана… м…

– Незачем щадить мои чувства, – сухо сказала Мере-сан. – Я, знаешь ли, в курсе, что мой муж мертв.

Ее непринужденный тон застал меня врасплох. Я осознал, что смотрю на нее, ища хоть какие-то признаки горя, или злости, или хотя бы облегчения. Похоже, я смотрел слишком долго, потому что, когда она снова посмотрела для нее, ее взгляд оказался очень холодным.

– Следи, где плаваешь, сын Ке. Люди часто тонут, заплывая слишком далеко в неизвестные воды.

– Простите меня, вдовствующая княгиня… Я не хотел…

– Я велела называть меня Мере-сан.

– Простите, Мере-сан. – Я решил некоторое время держать рот на замке и проверить, не изменится ли ситуация к лучшему.

Вдова смотрела на меня очень долго. Мне стало неуютно, но, видимо, это и было ее целью. Думаю, ей хотелось, чтобы я снова заговорил, сказал еще какую-нибудь глупость, позволив ей потешиться надо мной. Но я временами бываю очень упрям – особенно когда меня подначивают.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Мере-сан сказала:

– Хорошо. Теперь, думаю, можем вернуться к нашему делу. – Она взяла у меня карты и разбросала их рубашками вверх, взяв одну наугад. Перевернула. Это оказалась самая старшая карта масти заклятий – Верховный маг клана.

– Предки! – Я мысленно выругался. Возможно ли, что Фериус виновна в его смерти? Нет, Мере-сан наверняка уже сотворила поисковое заклинание. Она бы знала, если б ее мужа убили. Это просто еще одна проверка.

– Лучше, – сказала вдова, словно прочитав мои мысли. Возможно, так и было: наверняка вдове князя подвластна магия шелка. Она вернула мне карты. – Мой муж постепенно сдавал несколько последних десятилетий. Полмира знало, что он вот-вот нас покинет. Приезд аргоси – совпадение. Она здесь по другой причине.

Я перебирал карты. Если аргоси уверены, что их колоды отражают реальное положение дел в мире, разве новый Верховный маг клана не будет важен для них? Я снова нашел «Верховного мага клана». Карта изображала мужчину в короне на фоне септаграммы, окруженного сигиллами всех форм магии.

– Но от того, старый у нас Верховный маг клана или новый – колода не изменится…

Слова вырвались помимо моей воли, но Мере-сан улыбнулась и коснулась моей щеки. Ее жест был гораздо более

ласковый, чем я ожидал.

– Лучше, сын Ке. Намного лучше.

Казалось, я нравлюсь или не нравлюсь вдове в зависимости от того, насколько мои слова были умными или глупыми.

– Вы сказали, что аргоси рисуют другие карты… дискордансы… изображающие людей и события, которые могут изменить мир. Думаете, Фериус Перфекс здесь, потому что надвигается что-то опасное? Что-то, способное… – Как она выразилась? – Способное создать или разрушить цивилизацию?

Мере-сан кивнула.

– Попробуй-ка уснуть, когда тебя обуревают такие мысли. – Ее плечи поникли, а глаза, казалось, провалились в самую глубину глазниц. – Ну а теперь пора заканчивать, Келлен из Дома Ке. Эта беседа была самой долгой за последние двадцать лет. Она меня утомила.

Впору было предположить, что вдова ушла бы гораздо раньше, если б не хотела устроить мне эту проверку. Она хотела понять, достаточно ли я умен… Но умен для чего?… Я сунул руку в карман и достал золотой диск, который она мне прислала.

– Вы хотите, чтобы я шпионил за Фериус Перфекс?

Мере-сан отвернулась, сделав вид, что котелок, книга и стакан занимают ее гораздо сильнее, чем я.

«Ей стыдно, – подумалось мне. – Стыдно за то, что она просит меня сделать».

– Аргоси полны секретов, – проговорила вдова. – А эта женщина, кажется, заинтересовалась тобой. Ты сделаешь все возможное, чтобы ее интерес не угас как можно дольше. И никому не расскажешь о моей просьбе – ни ей, ни отцу, и никому другому.

Итак, я должен шпионить за женщиной, которая спасла мне жизнь.

– А взамен гарантируется, что мне позволят и дальше проходить испытания, – сказал я. Эти слова уже сами по себе звучали как предательство по отношению к Фериус. – Но разве испытания не будут приостановлены до избрания нового Верховного мага клана? Разве у Совета нет более важных дел, чем решать, кто из посвященных получит имя мага?

Мере-сан смерила меня тяжелым взглядом, но я уже подустал от этих игр. Мне надоело выделываться, чтобы ее развлечь.

– Нет, прошу. На этот раз – просто ответьте.

Пожалуй, она и в самом деле сильно устала – иначе врезала бы мне заклинанием.

– Испытания сейчас важны, как никогда прежде. Только они и имеют значение.

– Но почему?

– Потому что я так и не подарила мужу наследника, – сказала она почти шепотом. Ее голос был полон… чего? Грусти? Сожаления? Вины? И чего-то еще… Решимости. – Что важнее для мага, чем даже его собственная сила, Келлен?

Я вспомнил слова Ра-мета, сказанные прошлой ночью.

– Сила его семьи.

Мере-сан кивнула.

– Среди нас не осталось достаточно могущественного мага, чтобы удержать клан лишь собственными силами. Другие могут вмешаться и попытаться убить его, чтобы взять корону себе. Поэтому следующий Верховный маг клана должен иметь сильный род. Семью – слишком могущественную, чтобы кто-то посмел бросить им вызов. Династию.

Она усмехнулась.

– Если сила кровной линии будет определяться при помощи испытаний, эти трусы из Совета не побоятся голосовать против мага, который может стать новым правителем. Их руки останутся чисты.

Я представил, как Ра-мет использует этот шанс, чтобы наказать тех, кто его не поддержал. Он был готов убить моего отца, просто чтобы увеличить собственные шансы. Проклятие! Теперь он тем более попытается извести нашу семью.

– Тебе не стоит бояться Ра-мета – если именно из-за него ты так скривился. Совет издал указ: никаких междоусобиц, пока новый Верховный маг клана не получит корону.

– А что потом? – спросил я, слыша, как дрожит голос. – Что станет с моей семьей, если мы с Шеллой не… Если отца не выберут?

– Вас отправят в изгнание, – ответила вдова. – Не новый Верховный маг клана, конечно. Это не лучший способ на-

чинать правление. Но если Ра-мет станет Верховным магом клана, совет изгонит Дом Ке.

Изгнание… Семья джен-теп, скитающаяся по миру, без союзников, без клана и без доступа к Оазису. С годами даже магия моего отца ослабнет. Это смертельный приговор для всех нас.

Несколько секунд Мере-сан смотрела на меня, на лице ее я видел сочувствие, и от того сделалось только хуже.

– Мы – народ магии, – тихо сказала она, – и не можем допустить вендетту между домами. Лучше одна несправедливость, чем десятилетия или даже столетия кровавых распрей.

Она взяла мою руку с золотым диском в ладони и сжала ее в кулак.

– Надеюсь, ты вскоре обретешь свою магию, сын Дома Ке.

Глава 10
Шпионка

Была уже поздняя ночь, когда я покинул маленькую хижину Мере-сан. В кармане по-прежнему лежала колода Фериус и золотой диск. Их вес словно тянул меня к земле – вес предметов, которые использовались, чтобы манипулировать мной. Мне вспомнились шуточки Фериус насчет магии джен-теп. Если ее послушать, мое желание обрести силу начинало казаться наивным и детским. Только вот это единственный способ обеспечить безопасность моей семье.

Я не знал, кому верить, но точно знал, что сделали бы мои родные.

«Джен-теп должны быть сильными», – сказал бы отец.

Мать просто посмотрела бы на меня и сделала свой обычный ободряющий жест – обвела кончиком пальца мою левую глазницу, словно желая уверить, что все будет хорошо.

Шелла повела бы себя как всегда – сказала бы, что я сам во всем виноват и надо просто усерднее работать.

А мне просто хотелось поговорить с кем-нибудь, кто не станет меня осуждать или потешаться надо мной.

Нифения…

Шелла сказала, что Нифения искала меня. Как это выглядело, когда она стучала в нашу дверь, спрашивая обо мне? Была ли в ее глазах тревога? Или, может, не только она? Пла-

кала ли Нифения, когда родители не позволили меня повидать?…

Все это глупые детские фантазии, конечно. Как и мое внезапное желание ее разыскать. Было уже поздно. Вдобавок вдовствующая княгиня вполне могла отправить одного из своих стражников, чтобы проследил за мной. Плюс к тому утром Шелла наверняка демонстративно спросит меня в присутствии отца, вернул ли карты «дароменской женщине». Это единственное, чем я мог оправдать свою задержку после встречи с вдовой. Придется сперва отыскать Фериус, а уж потом мечтать о романе с Нифенией.

У нас не такой уж большой город – около пяти миль в диаметре и тысячи три жителей. Однако найти среди них всех одного-единственного человека было бы нелегко. Если б я не знал, где искать.

У нас пьют вино и пиво, а еще – местный алкогольный напиток из абрикосов и гранатов под названием дайизил. Правда, пьют в основном в кругу семьи – в спокойной и чинной обстановке. Это совсем не подходило для Фериус, и потому я отправился к городским гостевым домам. Их – предназначенных для чужеземцев – в городе было пять, и лишь в трех подавали крепкий алкоголь.

* * *

– Ее здесь нет, – сказал тонкогубый ше-теп за стойкой. Он

вообще соизволил ответить, лишь передвинув пару дубовых бочек.

– Но ты видел именно ее, так?

Выпуклый животик, нелепо сочетавшийся с худым телом, заколыхался, когда ше-теп рассмеялся.

– Рыжая дароменская женщина в шляпе? Как думаешь, сколько таких здесь ошивается?

– И когда она ушла?

На его лице появилось задумчивое выражение. Похоже, с примесью досады. Трудно было сказать наверняка.

– Пожалуй, пару часов назад. Она сказала, что мое пиво на вкус, как коровья моча, и ушла поискать что получше. – Он указал на дверь. – Попробуй заглянуть в «Ночной зов». На площади Веда, около четверти мили дальше по улице.

– А почему не «Честь сокола»? Он ближе.

– Она сказала, что уже была там. Сообщила, что у них пиво – как кошачья моча. Видимо, эта госпожа считает ее еще хуже коровьей.

Я вышел из гостевого дома и отправился через трущобы к площади Веда. Не знаю, была ли Фериус в «Ночном зове» и с чьей мочой сравнила тамошнее пиво. В любом случае, когда я ее нашел, у нее были более важные дела.

Вход на площадь был загорожен спинами дюжины посвященных, одетых в белые рубашки. Я узнал некоторых из своего класса. Но вот что происходит на площади, понять было решительно невозможно. Зато не оставалось сомнений, что

Фериус там.

– Осади назад, крысеныш, пока я не состригла твои усишки и не сделала из них зубочистку! – Слова были невнятными. Похоже, Фериус изрядно набралась.

Я увидел перед собой грузную фигуру Панакси и окликнул его.

– Что тут происходит?

Панакси ринулся ко мне и оттащил от края площади.

– Келлен! Ты зачем сюда явился?

– Ищу Фериус Перфекс, – сказал я, отталкивая его руку. – А теперь объясни, что происходит.

– Иди домой, Келлен. Тебе не надо здесь быть.

Я уже собирался отодвинуть его плечом, когда несколько посвященных постарше – лет семнадцати-восемнадцати, оглянулись и заметили нас.

– Эй, толстяк, ты вроде должен стоять на шухере.

– Все нормально, – отозвался Панакси. Он повернулся ко мне и заговорил, понизив голос. – Иди домой, Келлен. Ты же не хочешь, чтобы тебя сейчас увидели Теннат и его братья.

Я схватил его за грудки – что могло оказаться ошибкой, если бы злость Панакси была хоть немного соразмерна умению ее выражать.

– Она спасла мне жизнь!

Он смотрел в землю.

– Это… Не волнуйся. Они не причинят ей вреда. Не взаправду.

– Ты или врешь, Панакси, или дурак. – Я сдвинул его с дороги и ринулся к центру событий. Другие посвященные стояли ко мне спиной, их внимание было приковано к происходящему на площади. Я заметил небольшой просвет между двумя фигурами и рванул туда, протолкнувшись мимо них, прежде чем кто-нибудь успел меня заметить.

– Эй! – крикнул один из них. Он попытался ухватить меня за руку, но промахнулся. Я быстро оглянулся, ожидая, что кто-нибудь погонится за мной, но никто – даже Панакси – не пересек границу площади. Видно, им приказали оставаться снаружи.

– Келлен, стой! – кричал мне Панакси. – Ты не понимаешь, что творишь! Она шпионка!

Я не обратил на него внимания и понесся дальше – к противоположному краю площади, где три человека стояли напротив Фериус. Она заметила меня и окликнула:

– Эй, парень! Может, не стоит так бегать после того, как ты едва не помер?

Троица обернулась. Первым я узнал Тенната. Его лицо светилось от возбуждения и кровожадности – такой, что мне стало не по себе. Рядом стоял Рафан, облаченный в серо-голубую шелковую рубашку и свободные льняные штаны – церемониальную одежду магов охраны. Здесь же был и Редир – более высокий и широкоплечий, чем его братья, – в кроваво-красной рубашке и черных штанах боевого мага.

Почему они все в церемониальной одежде?… И тут я за-

метил четыре светильника, расставленные на площади. Все горели огнями разного цвета.

– Ты что, проходишь испытание?

– Она шпионка, – ответил Теннат. Столь отвратительной ухмылки я не видывал даже на его лице. – Так говорит мой отец.

– Твой папаша – идиот, – сказала Фериус. – Без обид.

– Закрой рот, дароменка! – рявкнул Рафан.

Я полагал, что он будет в глубокой концентрации, держа Фериус под заклинанием пут. Но невозможно сохранять сосредоточенность и при этом так орать. Так почему же ты просто стоишь там, Фериус? Уходи!

Я глянул вниз и понял почему. Неровный круг был очерчен вокруг Фериус. Там, под слоем пыли и грязи, наверняка спрятана тонкая медная проволока. Рафан, будучи магом охраны, сделал из проволоки ловушку, пока Фериус пьянствовала в гостевом доме, а потом активировал его. И, выйдя на площадь, Фериус угодила в западню. Снаружи нетрудно уничтожить эту магию. Но тот, кто оказался внутри, не сможет уйти, пока Рафан не прервет заклинание.

– Вы не имеете права вершить суд, – сказал я, стараясь приправить голос отцовскими интонациями. – Ни у кого из вас нет такого статуса. Не говоря уж о том, чтобы карать. Когда старшие узнают…

– А кто им скажет? – спросил Редир, делая шаг в мою сторону. Он обвел взглядом посвященных, охраняющих пло-

щадь. – Все здесь верны магии джен-теп. И все знают, что мы должны защищать наш народ от шпионов. – Редир снова обернулся ко мне. – К тому же Рафан сотворит заклятие оков разума, которое не позволит ей рассказать, что тут произошло. Она будет помнить, но не сможет ни сказать, ни написать, ни дать понять иным способом. Наш отец…

– Заткнись, – сказал Рафан. Он подошел и положил руку мне на плечо, словно внезапно решил заделаться моим старшим братом. – Келлен, просто подожди там вместе с остальными. Никто не желает тебе вреда. Ты, может, и станешь шетеп, но все-таки ты – часть нашего народа. Мы, джен-теп, должны тебя защищать. Неужто не понимаешь?

Великие предки, он и правда считает, что я настолько тупой и могу на это повестись?!

Ра-мет не мог сейчас навредить нашей семье, потому что начались выборы, но он мог отправить сыновей, чтобы причинить зло Фериус. Не только отомстить ей за вчерашнее вмешательство, но и показать всем: Дом Ке не в состоянии защитить своих союзников. Разумеется, никуда я отсюда не уйду!

Я издал смешок, который, я надеялся, не покажется другим столь фальшивым, каким он выглядел для меня самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.